ЭХО

ТОМ I

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Wandered Roker
Эхо Том 1

https://litres.ru/74782629
SelfPub; 2026

Аннотация

Из пятисот солдат после битвы на Ланнете выжили только пятеро. Их командор Гладиус — клон, созданный подчиняться приказам. Но однажды он ослушался, чтобы спасти своих братьев.

Новая секретная миссия приводит взвод на Эхо-7 — заброшенную планету, хранящую следы древней цивилизации. Корабль сбит, помощь далеко, а в руинах Гладиус встречает раненую эльфийку Элариэль. Их народы враждуют, но теперь, чтобы выжить, им придётся действовать вместе.

Выбраться с планеты — только начало. Рой угрожает и людям, и эльфам, а Гладиус всё отчётливее слышит загадочный хор, который не должен звучать у него в голове. Что связывает его с Эхом? И сможет ли клон, созданный для войны, сам выбрать, за что сражаться?

Это только наработка, она будет полностью редактироваться

Содержание

Глава 1 Пять из пятисот 5
Глава 2 Терра-Нова 14
Глава 3 Доклад 25
Глава 4 Эхо-7 33
Глава 5 Союз 39
Глава 6 Путь 44
Глава 7 Связь 53
Глава 8 Узел 58
Глава 9 Гномы 63
Глава 10 На борт 67
Глава 11 Пять корон 71
Глава 12 Караван 75
Глава 13 Дорога домой 78
Глава 14 Прибытие 84
Глава 15 Новое задание 88
Глава 16 Подготовка 95
Глава 17 Путь в новый мир 104
Глава 18 Орбита 112
Глава 19 Карцер 118
Глава 20 Пробуждение 124
Глава 21 Адмирал 130
Глава 22 Переход 138
Глава 23 Атака роя 144

Глава 24 Лирион 151
Конец ознакомительного фрагмента. 168

Wandered Roker
Эхо Том 1

Глава 1 Пять из пятисот

Меня зовут Гладиус. К-7-99, 31-й Легион. Командор.

У клонов нет имён, только номера. Гладиус — позывной. На шлеме я сам вывел белой краской кривой меч. Братья дали мне этот позывной после того, как я посадил горящий «Молот» на обломки эсминца.

Мне четыре года. Биологически — двадцать восемь. Срок годности — семь лет. Я как все: партия К-7, чан Луны-Матери-3, чип Повиновения в стволе мозга. Так написано в личном деле — стандартный клон, которому повезло дослужиться до командора.

Я так и думал. Учёные знали больше. Я — нет.

Я — пилот-командир Якорей. Веду взвод и сам держу штурвал нашего ДШК-7 «Молот» — низкой канонерки быстрого планетарного десанта. Два пилотских кресла, четыре шаровые турели, остальное место — десанту. На планете борта открыты и плащи хлопают на ветру, а в пустоте воздух удерживает поле.

Сегодня мы должны были умереть красиво.

Нас сбросили на Ланнет в 06:14.

Ланнет был планетой-фермой — поля, элеваторы, посёлки. Три недели назад связь пропала: сначала помехи, потом паника в эфире — «что-то выросло». Спутник показал три башни там, где вчера была равнина. Чёрные, ребристые, высотой в километр, они росли прямо из земли. Командование назвало это «инцидентом» и отправило нас — зачистить и поднять флаг под камеры.

На Ланнете воевали тысячи таких же легионов. Сотни полков, десятки тысяч «Молотов» в небе, миллионы клонов в грязи. Для Ассамблеи это была строка в сводке. Для нас — весь мир.

— Тридцать секунд до точки, Якоря! — гремит с орбиты генерал Крейг в командном канале. Ему-то легко орать — он не падает. — Плащи поправить! Республика на вас смотрит!

Мы идём строем — двадцать «Молотов». Выше — «Клинки» прикрытия, внизу — «Голиафы», над полем — дроны. Ударный линкор «Непоколебимый» выбросил нас и ушёл выше. Мы — вниз, сквозь красные облака.

Я держу штурвал головного. Рядом, на втором кресле, — Первый. Позади, в отсеке на поручнях, — мои.

Нас пятеро с одного чана. Одно лицо, одна кровь, партия К-7. Поставь рядом — не отличишь. Но я отличу каждого с закрытыми глазами.

Первый, К-7-01, — старший в партии. Тот же подбородок и нос, что у меня, только с короткой бородой и сединой на

висках, которую он нарочно не сбривает. Спокойный. Крестится перед высадкой.

Форт, К-7-44, — тот же лоб и скулы, но в два раза шире. Шея — как у быка, руки — вдвое толще моих. На шлеме — вмятина от приклада.

Призрак, К-7-88, — худощавый, с тонким шрамом через щеку и бритыми висками. Молчит. Его чип сбоит.

Тринадцатый, К-7-13, — самый молодой, щекастый, без щетины, с якорем на затылке, который сам набил иглой. На его броне — белая полоса-метка, нанесённая маркером.

Пять копий одного человека. Пять разных судеб.

— Держитесь крепче! Заходим на бреющем! — кричу я.

«Молоты» идут на репульсорах, почти касаясь грязи. Шаровые турели плавно ведут стволами, плащи рвутся от потока.

В тумане проступает Башня.

Она огромна. Не постройка — нарост. Ребристая, как позвоночник, из тёмного хитина, пульсирует. Вокруг — кокон из красной пыли. Тишина. Только шуршание.

— Что это за дрянь такая? — шепчет Форт в рации.

— Высадка! За Республику! — перебивает лейтенант с соседнего «Молота», силовой меч поднят, камера дрона уже пишет.

Я торможу. «Молот» зависает в метре над землёй, борта расходятся, падают тросы.

— Пошли-пошли! — крикнул я. — Вперёд!

Двадцать машин зависают над грязью. Десант сыплется по тросам; мы с Первым — тоже. Пятьсот клонов в батальоне: одни уже на земле, а на других «Молотах» часть пилотов ещё в кабинах. Быстро и картинно для эфира. Наш «Молот» держится над нами на встроенном автопилоте, остальные — рядом, прикрывают с турелей. Занимаем периметр у Башни. Грязь чавкает, плащи тяжелеют от влаги.

И тогда земля открывается.

Это не атака. Это пробуждение.

Сначала рябь по лужам, будто где-то шагает великан. Потом бугры вспухают чёрными куполами и лопаются — из них хлещут они. Десятки, сотни, тысячи — на двух и четырёх лапах, в хитине с наростами, жвала щёлкают, кислота шипит на броне. Наши ВСД-13 бьют в упор — треск, вспышки, хитин трескается, чёрная кровь брызжет, но волна идёт по телам своих же.

— Контакт, множественный! Их тут дохера! — срывается голос в эфире.

Слева «Голиаф-2» разворачивает башню: «Бронебойным — огонь!» — сто двадцать миллиметров рявкает, снаряд рвёт гущу в клочья, на миг чисто — и следующая волна уже лезет по разорванным.

— «Шакал-4», прикрой фланг! — Рядом «Шакал» ведёт башню, тридцать миллиметров частит без пауз, гильзы сыплются в грязь, ствол багровеет.

Над головами — визг «Ос»: «Оса пошла!» — рой дис-

ков пикирует и детонирует один за другим, вспышки коптят хитин, но не пробивают. «Без толку! — орёт Форт. — Им похуй!»

Дрон «Око» падает рядом, сбитый плевком кислоты, камера треснула, но огонёк горит — продолжает писать для новостей.

— Держать строй, бойцы! — кричит лейтенант с мечом, будто он на плацу. — За Республику! За...

Прыгун сносит ему голову вместе со шлемом — чисто, как гильотиной. Тело падает, камера берёт крупный план. В эфире — секунда тишины, потом: «Лейтенант убит!»

Батальон ложится за одиннадцать минут. Не отступает — ложится. Клон за клоном.

Я в грязи, ВСД-13 бьёт в плечо, приклад скользит от крови. Магазин — смена — затвор — очередь. Форт встал в полный рост, РПД-6 на сошках грохочет, лента несётся:

— Ленту давай! — орёт он Тринадцатому. — У меня кончается! — Тринадцатый трясущимися руками суёт короб.

Первого, шедшего со знаменем, хватает сзади костолом и тащит в яму. Он не отпускает древко, кричит: «Знамя! Не отдам!» — хитин щёлкает, кость хрустит, нога отрывается по колено. Первый шипит сквозь зубы, падает, но древко не выпускает.

Призрак работает одиночными — сухо, как на стрельбище, каждый выстрел — тварь с Форта, тварь с Первого. Пока струя кислоты не накрывает шлем — он срывает его и про-

должает в маске, лицо в ожогах.

— Гранаты давай! — ору я. — Кидайте их к Башне!

Граната вязнет в грязи Башни, как в живой плоти, и глохнет. Хитин её глотает.

И тут Башня пульсирует.

Волна проходит сквозь всех. Пилоты других «Молотов» хватаются за головы, машины виляют. Меня — пробивает не болью, а чужой памятью.

Белый свет заливает глаза — резкий, стерильный. Голоса — много, мои и не мои, не словами, а образами и шумом. Чужая боль смешивается со своей. Сквозь хор — тихий женский шёпот сквозь воду: «...не надо...»

Я не понимаю ничего, кроме одного слова, прорвавшегося чётко, как приказ, но не из чипа:

Уводи.

Очнулся в грязи. Наш «Молот» просел рядом — борт вмят кислотой, турель заклинило, репульсоры держат. Чип жжёт, требуя держать позицию до смерти. После удара Башни его ровный гул сбился, будто внутри что-то надломилось. Приказ давил рывками, но уже не держал меня намертво.

Я сказал «нет». Впервые.

Боль прошила голову, но я перекричал её в рацию:

— Взвод — ко мне! Бросаем эту точку! Все на борт! Я вас вытащу!

По уставу десант не бросает флаг — за это расстрел. Но мои побежали ко мне. Потому что я — их командор.

Рядом «Молот-3» клюёт носом и рушится — пилота оглушило волной, он не вытянул и погиб при падении. Взрыва не было — машина просто легла в грязь.

Мы рванули к своему. Я тащил Тринадцатого — дыра в животе, из неё сочилась красная пыль. По уставу — бросить. Я закинул его в отсек. Форт запрыгнул последним, отстреливаясь. Первого втащили — древко он так и не выпустил.

Я упал за штурвал, Первый — на второе кресло, хотя нога уже культя. «Держаться!» — крикнул я и рванул вверх.

«Молот» оторвался от грязи, отстреливая ловушки. Вокруг падали другие машины. Что-то прыгало снизу, пытаясь достать.

В тумане у Башни — силуэт: высокий, тонкий, в белой броне, которой у нас нет. Стоит и смотрит на меня. Не стреляет.

А потом мы пробили облака.

На палубу «Непоколебимого» сел только мой «Молот» — с вмятинами, в копоти, но целый. Пятеро из пятисот. Я довёл.

Генерал Крейг жал руку перед камерой:

— Герои Якорей! Командор Гладиус спас знамя!

Я смотрел на его зубы и думал, что ему бы тоже туда, вниз.

Потом подошёл цензор в белой маске с янтарным глазом — Орден Инвикторов.

— Ты слышал Башню, клон? — прошептал он и коснулся моего лба.

И отдёрнул руку, будто обжёгся — будто увидел за мной толпу.

— Легат Аврелий будет тобой доволен, — бросил он и ушёл.

Я решил, что это контузия.

На палубе медики быстро проверили всех пятерых: дыхание, раны, повязки. Тринадцатому обработали и перевязали живот, Первому зашили культю. Потом в лазарете меня осмотрел врач «Вита-Генезис». Измерил давление и пульс, проверил зрачки, попросил вытянуть руки и коснуться пальцем кончика носа. Ладонь дрожала. Он дождался, пока я повторю движение, записал результаты и выдал блистер — семь белых таблеток без маркировки.

— От тремора после Башни, командор, — сказал врач. — При приступе принимай по одной. Если станет хуже, обращайся в лазарет.

Я кивнул и сунул одну под язык. Горечь. Тишина. Шум в голове на секунду отступил.

Через час — приказ: «К-7-99 Гладиус представляется к Ордену Согласия. Взводу — отпуск на Терра-Нова».

Форт хмыкнул, разглядывая перебинтованные пальцы:

— Хоть в душ по-человечески пустят...

Я сидел в кабине изрешеченного «Молота», чувствовал, как чип жжёт за ухом, и слышал в глубине отголосок чужого хора, которого не должно быть.

За иллюминатором горел Ланнет. После орбитальной

бомбардировки Башня падала.

А на записях дисков, снимавших поле, я увидел, как внизу, в грязи, что-то строило из тел наших братьев колыбель.

Глава 2 Терра-Нова

Терра-Нова пахла иначе, чем Ланнет.

Там — гнилью и озоном после выстрелов. Здесь — горячим камнем от плит, маслом от тысяч машин и сладкой пылью от флагов, которую ветром несло даже через фильтры.

Я стоял у иллюминатора десантного отсека «Непоколебимого» и смотрел, как растёт столица. Сначала — свет, сплошной до горизонта. Потом — башни: не чёрные, как на Ланнете, а белые, стеклянные, в огнях. Между ними — потоки «Клинков» и гражданских челноков, как кровь по венам. Внизу — площадь. Белая, огромная, с кулаком Согласия в центре. На ней уже собирали трибуну.

В училке нам твердили: Республика Согласия — двенадцать систем, столица — Терра-Нова. Названия Ассамблеи и Директората мы тоже знали; решения принимали там, не в нашем чане.

— Нихуя себе, — выдохнул Форт рядом и прижался лбом к стеклу, оно запотело от его дыхания. — Командир, это всё настоящее? Я думал, на плакатах дорисовывают.

— Настоящее, — тихо сказал Первый. Он стоял ровно, хотя культя ещё без протеза — только зашита, костыль скрипел. — На Ланнете таких городов не строят.

Тринадцатый молчал. Держал свой шлем с потёртой белой меткой на нём и смотрел не мигая.

— Нас там ждут? — спросил он.

— Нас там показывают, — ответил я.

За спиной лязгнула дверь.

— Командор Гладиус, взвод — к выходу. Парадная форма, плащи надеть, шлемы в руках, улыбаться, — отчеканил офицер пресс-службы. Чистый, будто только с фабрики, ни пылинки. Смотрел на нас как на реквизит. — Вас снимает «Око». Республика хочет видеть героев.

Форт оскалился:

— А отпуск нам будет? Или как всегда — помыли нас и обратно в грязь кинут?

Офицер не понял:

— Будет. После парада.

Площадь Согласия гудела так, что звенело в ушах.

Я ждал грязи и тишины, как перед атакой на Ланнете. Здесь был шум — тысячи за ограждением, офицеры на трибуне, оркестр, флаги, дроны «Око» висят низко и жужжат. На экране — наши лица крупным планом: моё со шрамом, Форта с усами, Первого с бородой, Призрака со шрамом, Тринадцатого с якорем на затылке.

— Смотрите, клоны! — крикнула женщина с ребёнком в первом ряду. — Вон тот, с мечом на шлеме!

— Гладиус! — подхватили рядом. Хлопали нестройно.

А с другой стороны — тишина. Мужик в спецовке сплюнул к ограждению:

— Опять мясо привезли. Наших бы детей так кормили,

как этих выращивают.

Женщина шикнула: «Тише, снимают!»

Я шёл и слышал всё. Парадный плащ, выданный перед посадкой, был чистый, тяжёлый, натирал шею. Под ним — такая же чистая броня, без вмятин от кислоты. Чужое.

Над площадью крутили нарезку: орбитальный удар по Ланнету, взрывы, наши «Молоты» в грязи, знамя. Титры: «ЛАННЕТ ОСВОБОЖДЁН! БАШНИ УНИЧТОЖЕНЫ! ПОБЕДА!»

Генерал Крейг, тот самый с орбиты, орал в микрофон:

— Граждане! Ланнет свободен! Наши легионы разнесли башни к чертям! Республика победила!

Толпа зашумела — праздновали победу, не нас.

Сначала пошла техника.

— Равняйсь! — И по брусчатке двинулись ТБ-44 «Голиафы» — тяжёлые, гусеницы гремят, башни ровно на трибуну. За ними — БМ-12 «Шакалы» на восьми колёсах, башенки блестят. Дальше — СГ-9 «Громы», стволы задраны в небо, на броне — ветки, как на войне. Замыкал ШТ-1 «Титан» — семь метров, шаг — земля дрожит, дети ахнули.

Над головой прошли «Молоты», затем «Клинки» — с рёвом, с дымом цветов Согласия.

Потом — пехота. Коробки клонов в новых плащах печатали шаг, ВСД-13 на плече, лица одинаковые, бритые. Ровно, как на плацу. За ними — дроны «Глаз» и «Мул» на репульсорах, строем.

Мы стояли сбоку, на помосте для награждённых — маленьком, у трибуны. На экране мелькнуло: «К-7-99 ГЛАДИУС И ВЗВОД — ПЯТЬ ИЗ ПЯТИСОТ». Кто-то хлопал, кто-то смотрел на танки.

Дрон подлетел в упор — красный огонёк в лицо.

— Улыбайтесь, командор, — прошипел пресс-офицер за спиной, сам улыбаясь во все зубы для камеры.

Я оскалился. Вышло криво.

— У меня уже щёку сводит, командир. Долго нам ещё так улыбаться? — шепнул Форт, не разжимая улыбки.

— До ордена терпи, — шепнул я.

— А орден жрать можно?

Первый стоял смирно, но пальцы на костыле побелели, культя ныла. Губами шептал литанию.

Призрак смотрел в пол — ему было плевать.

Тринадцатый вдруг помахал детям. Дети замахали в ответ, женщина улыбнулась ему искренне — и он расцвёл.

— Вперёд, герои! — махнул Крейг, и нам вынесли коробочки. «За Согласие» III степени. Жестянка на ленте. — Республика помнит!

Нам нацепили их на плащи. Тяжёлые. Форт взвесил на ладони:

— А премия? Медалью сыт не будешь? — громко, микрофон поймал.

Толпа впервые хмыкнула искренне. Даже мужик в спецовке кивнул.

Пресс-офицер побледнел, Крейг засмеялся:

— Будет, боец! Всё будет!

Дроны брызнули конфетти.

Лазарет Терра-Нова был белый до тошноты. Пахло чистотой, не кровью и маслом.

Первого положили на стол. Мы — вокруг. Врач — старый клон с сединой, в перчатках — разложил протез на тележке.

Не нога — железо. Тяжёлый, на заклёпках, гидроприводы — как мышцы, стопа — широкая пластина с сочленёнными пальцами, колено — шарнир с фиксатором. Серый, матовый, с номером ТБ-44-01 на бедре — сняли с «Голиафа», переделали.

— Это ты мне? — тихо спросил Первый.

— Тебе, — кивнул врач. — «Опора-3». Не новый, но бегает. Болеть будет.

— А танцевать? — попытался пошутить Форт, но голос дрогнул.

Врач кивнул ассистенту — укол в культю. Первый дёрнулся.

— Держи его, — сказал врач мне.

Я взял Первого за плечи. Он вцепился в мои руки, лоб вспотел.

— Ты готов? — спросил врач.

— Давай, — сказал Первый и закрыл глаза, шепча: «Согласие требует...»

Щелчок фиксатора. Первый дёрнулся, зашипел сквозь зу-

бы, но не закричал. Я держал крепче.

— Терпи, брат, сейчас будет больно.

— Холодная, сука... — выдохнул он.

Врач затянул ремни, подключил привод. Пальцы протеза сжались сами.

— А теперь шевельни ею.

Стопа дёрнулась, скрипнула.

— Она шевелится! — подпрыгнул Тринадцатый.

Форт постучал костяшкой по железу:

— О, теперь ты танк!

Первый встал с нашей помощью — качнуло, гидравлика зашипела.

— Ну как она?

Он шагнул раз, потом второй — скрип-шип, скрип-шип.

— Тяжёлая, зараза, — сказал он, но с радостью в голосе. — Но я иду, командир! Смотри, я иду!

Чуть не упал — поймали.

— Ты привыкнешь, — сказал врач. — Через неделю уже побежишь на ней.

Первый смотрел на новую ногу, глаза блестели:

— Спасибо вам, — сказал он нам, а не врачу.

Форт хлопнул по спине:

— Теперь ты выше меня! Не зазнавайся!

Тринадцатый потрогал пальцем:

— А можно я и на ней свою метку поставлю? Как у меня на броне?

Первый засмеялся и чуть не упал снова.

Казарма была глубоко под городом. Лифт вёз долго — мимо мрамора и стекла, туда, где свет тусклый и пахнет маслом.

Длинный зал, койки в три яруса, шкафчики, стол. На стене — плакат «Согласие требует голоса» и экран с повтором парада. Пахло потом и смазкой.

Мы сели. Форт достал из пайка маленькую флягу — спирт с парада, стащил у офицеров. Открутил, понюхал:

— О, не антифриз! За тех, кто остался на Ланнете.

Тринадцатый глотнул первым — закашлялся, слёзы:

— Крепкая, зараза...

Призрак — молча кивнул, глотнул.

Первый — чуть отпил:

— На Ланнете нам такого не наливали...

Я — последним. Обожгло горло.

— За наших, — кивнул я.

— Командир, а дальше-то что? — спросил Форт с набитым ртом. — Нас опять на Ланнет кинут? Там же тысячи легионов уже воюют.

— Да откуда я знаю. Сказали — у нас отпуск три дня.

Тринадцатый округлил глаза:

— А чего нам три дня делать-то?

— Спать будем, — тихо сказал Призрак. Первое слово за весь день.

Засмеялись все. Даже я.

За узким окном под потолком маршировали новые клоны

— сотни, в новых плащах, бритые, одинаковые. Их вели на корабли. На Ланнет.

Первый перекрестился. Я достал блистер — шесть таблеток осталось, повертел, сунул обратно. Не стал пить.

— Отбой.

Свет погас.

Я не спал.

Казарма храпела — Форт, Первый с присвистом протеза, Тринадцатый сопел. Призрак лежал с открытыми глазами.

В голове тикало. После Башни там остался шум — днём тише, ночью громче. Таблетка глушила, но я не пил.

Сначала гул, будто далеко гудит «Молот». Потом хор — ближе, громче, не словами, а образами прямо в голову.

Я закрыл глаза — и провалился. Не сон, а падение.

Белый свет, от которого болят глаза, и грязь — тёплая, красная, живая, липнет к рукам. Пытаюсь встать — руки не мои, тоньше, в хитине. Лапы. Я в чужом теле. Хор орёт болью, страхом, голодом — тысячи голосов сразу. Хочу крикнуть — выходит шуршание.

Сквозь хор — женский голос, будто сквозь воду: «...не смотри... не надо... закрой...»

Смотрю вверх — Башня, но не одна. Их сотни до горизонта, пульсируют в такт сердцу. Из каждой — смотрят. Тысячи глаз, человеческих, клоновьих, с чипами.

Один глаз в центре открывается. Мне кажется, он смотрит прямо на меня.

— Ты... — чудится мне в хоре мой собственный голос, — ...наш...

Грязь держит, впивается, прорастает. Красная пыль лезет в рот, в нос, в чип — жжёт.

Я проснулся от собственного крика, зажав рот рукой.

Казарма вскочила.

— Командир?! — Форт уже с РПД-6. — Что?!

Первый — рука на кобуре, протез скрипнул. Тринадцатый вжался в койку. Призрак уже стоял надо мной.

Я сидел мокрый, сердце колотится, в голове — эхо хора.

— Контузия, — выдохнул я. — Просто контузия.

— Бля, напугал... — Форт опустил пулемёт.

— Ты кричал не словами, — тихо сказал Первый.

Тринадцатый прошептал:

— Командир, глаза...

Я рванул к умывальнику — в осколке зеркала я, бледный, мокрый. Глаза на секунду светятся янтарём, как у цензора. Потом гаснут. Из носа потекла кровь; я прижал ладонь к лицу, а в ушах тонко звенело.

Плеснул воды, руки дрожат. Призрак подошёл сзади, тихо:

— Опять?

— Не говори никому, — шепнул я.

Он кивнул. Я выдавил таблетку под язык — горечь, тишина, хор отступил на дно, но не ушёл.

Лёг. Никто не спал до утра.

Утро началось не с подъёма — с тревоги.

Дверь с шипением открылась, вошёл цензор — тот же, с Ланнета. Белая маска с янтарным глазом, плащ Инвикторов, двое с ВСД-13 за спиной.

— Командор Гладиус К-7-99, — ровно сказал он. — Легат Аврелий хочет видеть вас. Одного.

Тишина.

Форт встал с РПД-6:

— Куда? Ему положен отдых!

— Беседа, — сказал цензор.

Первый скрипнул протезом, встал рядом:

— Он наш командор. Мы с ним.

Янтарный глаз смотрел на меня.

— Один, — повторил цензор.

Я встал, ноги ватные, в кармане — пять таблеток.

— Я пойду. Ждите.

Тринадцатый вцепился в руку:

— Не ходи...

Я отцепил пальцы:

— Ждите.

Дверь закрылась. Форт что-то крикнул вслед.

Коридор — белый, длинный, без окон. Цензор шёл впереди, плащ не шевелился. Лифт — белый, светлый. Дверь закрылась, поехали вверх — туда, где живут не клоны, где решают.

В кармане — таблетки. В голове — тишина после таблет-

ки, но глубоко хор ждёт. Напротив — янтарный глаз отражает мой шлем с кривым мечом.

Глава 3 Доклад

Лифт шёл вверх долго. Белый свет, белые стены, без кнопок. Цензор рядом не шевелился, янтарный глаз на маске смотрел прямо.

— Куда вы меня везёте? — тихо спросил я.

Плащ не колыхнулся. Цензор не ответил.

Дверь открылась — и я понял, куда возят клонов, когда хотят говорить без свидетелей.

Зал — круглый, без окон, потолок высокий, как в храме. Стены — чёрный камень с тонкими золотыми прожилками, как вены. В центре — стол из того же камня. За ним — трое.

Первый — генерал Крейг, в парадной, потный, улыбается, но глаза бегают. Второй — тип из «Вита-Генезис», в сером без знаков, планшет на столе, лицо никакое. Третий...

Третий заставил встать смирно, даже с таблетками в кармане.

Легат Аврелий. Глава Ордена Инвикторов. Белая броня с золотом, плащ до пола, маска снята. Лицо — старое, красивое, волосы седые, а глаза — янтарь, как у маски. Смотрел на меня, и чип в голове тихо загудел, будто его слушают.

— Командор Гладиус К-7-99, — сказал Аврелий спокойно, но от голоса дрогнул воздух. — Садись. Докладывай. Что было на Ланнете?

Я сел. Стул холодный.

— Высадка штатная, легат, — начал я, как учили, коротко, по уставу. — Двадцать ДШК-7 «Молот», прикрытие — ИК-7 «Клинок», внизу — ТБ-44 «Голиаф» и БМ-12 «Шакал», дроны РД-3 и УД-5. Заняли периметр у Башни Альфа. Земля вскрылась — существа из грязи, тысячи. Вели бой.

Рассказал — как «Голиаф-2» бил прямой наводкой, как «Шакал-4» держал фланг, как Форт рвал ленту на РПД-6, как Первый не отдал знамя и ему оторвало ногу, как гранаты глотает Башня.

— Потери? — спросил Крейг, листая планшет, будто не знает.

— Батальон — пятьсот. Вышли — пятеро. Мой взвод.

Крейг кивнул, доволен цифрой.

— Импульс, — сказал Аврелий, не моргая. — Расскажи мне про этот импульс.

Я сглотнул. В кармане — пять таблеток. В голове после ночной — тишина, но глубоко хор ждёт.

— Башня дала импульс, — сказал я. — Просто волна. Не звук и не свет, а прямо по башке. Пилотов наверху оглушило — вон «Молот-3» упал, пилот там погиб. Нас на земле тоже накрыло — шум, давление. Тогда я и дал команду уходить, вывел своих на своём «Молоте».

— Какой именно шум? — тут же вскинулся тип из «Вита-Генезис». — Ты слова слышал? Голоса?

Я посмотрел на него — на планшете мой номер К-7-99 и красная пометка, которую он быстро прикрыл.

— Да просто шум, — сказал я. — Как после контузии башка гудит. Гул и всё. Больше я ничего не слышал.

Не сказал про белый свет, про хор, про «Уводи» и женский шёпот «...не надо...». Про янтарь в зеркале. Сказал «контузия».

Аврелий смотрел долго, янтарь чуть ярче.

— Ты слышал Башню, клон? — тихо спросил он, как цензор на Ланнете.

Я выдержал взгляд. Чип жёг, но я не отвёл глаз.

— Волну. Как все, легат.

— Хорошо, — сказал Аврелий, без тепла улыбнулся. — Верю.

Тип из «Вита-Генезис» записал: «Импульс подтверждён. Потеря управления репульсорами. Субъект отрицает акустику». Закрыл планшет.

Крейг выдохнул, будто сдал экзамен:

— Тогда слушай новое задание, командор. Засекречено. Уровень «Чёрный».

На столе вспыхнула карта — пустой сектор, одна метка, координаты строкой. Эхо-7. Планета без имени, даже не в атласе.

— По данным дальней разведки, — сказал Крейг, — на Эхо-7, возможно, найдутся сведения о причинах возникновения Роя. Он — угроза для всех. Координаты точные. Слетаете, посмотрите, снимете, вернётесь. Тихо.

— Почему мы одни? — спросил я. — На Ланнете тысячи

легионов...

— Засекречено, — отрезал Аврелий, не Крейг. — Малой группой меньше шанс, что заметят. Одним «Молотом», твой взвод. Разведка, не бой. Сели, осмотрелись и ушли.

— Сели, осмотрелись и ушли, — повторил я.

— Именно, — кивнул тип из «Вита-Генезис». — Координаты уже в навигаторе. Куда летите и что ищете, можешь сказать только братьям. Сведения о планете и снимки — никому постороннему до доклада.

Я подумал о братьях внизу, в казарме.

— Вопросы? — спросил Крейг.

— Когда нам вылетать?

— Через шесть часов, — сказал Аврелий. — С «Непоколебимого» на орбите Терра-Нова, через кольцо. И, командор...

Он встал, подошёл, положил тяжёлую тёплую ладонь на плечо.

— Если снова услышишь шум — сразу доклад. Лично мне. Понял?

— Понял тебя, легат.

— Свободен, — сказал он и снял руку. Янтарь погас.

Я вышел. Дверь закрылась беззвучно.

В коридоре ждал цензор, молча кивнул — вниз. Лифт шёл долго. В кармане — пять таблеток. В голове — слово «Уводи», которое я не сказал. И координаты на навигаторе, которые мигали, будто их уже ввели.

Братья ждали в казарме. Четверо встали, когда вошёл.

— Ну? — Форт первым, РПД-6 на плече. — Что хотел белый?

— Задание, — сказал я, закрыв дверь. — Засекречено. Эхо-7 — неизведанная планета, точные координаты есть. Рой — угроза для всех. Возможно, там найдём причины его возникновения. Одним «Молотом», только мы.

Первый нахмурился, протез скрипнул:

— Почему мы одни? Там же тысячи на Ланнете...

— Засекречено, — сказал я его словами. — Малой группой тихо. Сели, осмотрелись и ушли.

Форт повторил:

— Сели, сняли... а если там как на Ланнете? Опять тысяча из грязи?

— Тогда — уводим, — сказал я и осекся — слово из видения вырвалось само.

Призрак молча кивнул. Тринадцатый тихо:

— А когда вылет?

— Через шесть часов. С «Непоколебимого» на орбите Терра-Нова, через кольцо.

Форт хмыкнул:

— Ну, хоть не парад. — Потом к Первому: — Нога-то выдержит? Прыгать там.

Первый стукнул протезом — гулко:

— Выдержит. На заклёпках — значит, наша.

— Тогда готовим «Молот», — сказал я. — Репульсоры,

зарядка ВСД-13, РПД-6 — лента полная, дроны — два «Глаза». И никому ни слова о задании.

— Принято, командор, — кивнул Первый.

— Принято, — Призрак.

— Принято! — вскочил Тринадцатый, метка блеснула.

Форт поправил усы:

— Принято, старший по званию. Пошли, пока «Молот» не спёрли.

Мы поднялись с поверхности шаттлом на «Непоколебимый», который стоял на орбите Терра-Нова. Оттуда пошли в ангар.

Ангар «Непоколебимого» гудел. Пахло маслом, озоном и горелой пылью. Под потолком — краны, внизу — десятки «Молотов» на стойках, техники-клоны ползают с ключами. Наш — борт 99, с вмятиной от Ланнета, с кулаком Согласия, чуть закопчённый, но свой.

— Ну что, старушка, ещё полетаем? — Форт хлопнул по борту.

Первый залез на крыло — протез скрипнул на лесенке — и открыл люк репульсора:

— Тяга в норме, пыль вычистили, фильтры новые. Репульсоры держат.

Призрак крутил шаровую турель — влево-вправо, стволы тридцать миллиметров ходят мягко.

— Турели — норма, — тихо сказал он. — Смазал.

Тринадцатый с банкой белой краски и кисточкой поднов-

лял полосу-метку на броне:

— А можно две? За Ланнет и за следующий вылет заранее?

— Нарисуешь, когда вернёмся, — сказал я. — Не загадывай.

Я залез в кабину, сел за штурвал. Панель потёртая, на ручке — зарубки. Первый — на второе кресло, протез упёр в педаль, привыкает. Щёлкнул тумблерами — репульсоры загудели ровно, вибрация по корпусу.

— Навигатор?

Первый ткнул — на экране мигали координаты Эхо-7, уже введены.

— Есть. Точные.

— Зарядка?

Форт поднял ленту:

— Полная! Два короба, на маленький Рой хватит!

— ВСД-13?

Призрак кивнул:

— По три магазина на брата.

Тринадцатый закрепил два диска «Глаз» у поручня десантного отсека:

— Оба целые! Заряжены!

Я закрыл фонарь, сунул блистер с пятью таблетками в нагрудный карман, ближе к чипу.

— Герметизация — норма, — сказал Первый. — К взлёту готовы, командор.

Техники отогнали стойки, дали зелёный.

— Пошли, — сказал я тихо, себе больше, чем им. — Тихо сели, тихо сняли, тихо ушли.

«Молот» дрогнул и оторвался от палубы — ровно, без рёва. Ангар поплыл вниз.

За створками уже ждал прыжковый модуль — большое кольцо на репульсорах. Без него «Молот» не прыгнет — слишком мал, своего генератора нет. Мы встали в кольцо, захваты щёлкнули, по ободу пробежал разряд.

— Стыковка есть, — сказал Первый. — Готов к проколу.

— Прыжок по координатам Эхо-7, — сказал я и толкнул рычаг. Кольцо загудело, пространство лопнуло тонкой линией и раскрылось дырой — и «Молот» нырнул.

Глава 4 Эхо-7

Кольцо отпустило — и пространство схлопнулось за спиной с хлопком, от которого заложило уши даже через шлем.

Эхо-7 висела впереди — одна, без лун, без станций. Планета-мертвец.

— Твою мать, — выдохнул Форт сзади, держась за поручень. — Это точно не Ланнет. Тут даже цвета нет.

Он был прав. Ланнет был красным от пыли, живым, хоть и гнилым. Эхо-7 была серой — камень, пыль и руины. До горизонта — ровные линии, слишком ровные для природы. Города. Мёртвые города древней цивилизации, занесённые пылью, но с целыми башнями, мостами, куполами. Как будто жители ушли вчера и выключили свет.

— Воздух есть, — сказал Первый, глядя на приборы, протез упёр в педаль. — Пригоден. Давление в норме. Но... тихо. Ни одного сигнала. Ни маяка.

— Потому что засекречено, — сказал я, держа штурвал. — Идём на координаты. Тихо сели, тихо сняли, тихо ушли. Помнишь?

— Помню, — кивнул Первый.

«Молот» шёл на репульсорах ровно, снижаясь. Внизу проплывали проспекты — огромные, пустые, статуи без лиц, провалы на месте рек. Серое, пыльное, древнее. Тысячи лет — и ни одного огня.

Призрак привстал:

— Движение.

— Где? — дёрнул я штурвал.

— Слева, башня. — Он показал пальцем. На краю города — башня, не чёрная, как на Ланнете, а серая, каменная, с чашей наверху, как у старой ПВО. Чаша поворачивалась на нас.

— Нас ведут! — крикнул Первый.

Я рванул — поздно.

Башня вспыхнула без звука и предупреждения — белый луч прошил воздух там, где мы были секунду назад. Воздух закипел.

— ПВО! Древняя! — заорал Форт. — Она ещё работает!

Вторая, третья — по всему городу чаши оживали, ловили нас. Автоматика, ждавшая тысячи лет, приняла нас за чужих.

— Уход! — крикнул я и бросил «Молот» вбок.

Репульсоры взвыли, машина крутанулась, луч прошёл в метре — краска вспыхнула. Второй — в крыло, корпус дёрнулся, искры веером.

— Пробили репульсор! Падаем! — крикнул Первый, протез бился о педаль.

— Держу! — тянул я штурвал, но «Молот» уже клевал, улицы неслись навстречу.

— Сто! Пятьдесят! — читал Первый ровно, как на тренажёре.

В отсеке Тринадцатый вцепился в поручень, Форт держал его одной рукой, РПД-6 болтался.

— Держитесь! Сейчас будет жёстко!

Я мог только ронять, не сажать. Навёл брюхо на широкую площадь между руинами, где пыль мягче, и в последний момент выжал репульсоры на подушку.

Удар. Мир лопнул. «Молот» подпрыгнул, проскользил по пыли, снёс бортом статую без лица, закрутился. Металл скрежетал, стёкла трескались. Нас швыряло.

— Держу! — орал я, хотя штурвал уже не слушался.

Второй удар — машина встала на нос, аппарель оторвало, пыль хлынула в отсек.

Тишина. Только пыль оседает и репульсоры шипят, глохнут.

— Живые?! — крикнул я, не слыша себя.

— Живой! Тринадцатый цел! — кашлял Форт.

— Первый? — обернулся я. Он висел на ремнях, протез заклинило, лицо в крови из носа, но кивнул: — Живой, командор.

Призрак уже стоял с ВСД-13, смотрел наружу — пыль, руины, вдалеке вспышки ПВО ищут.

— Надо уходить, пока не накрыли вторым залпом, — тихо сказал он.

Я дёрнул рычаг фонаря — заклинило.

— Через отсек! Все наружу, быстро!

Вытолкали Тринадцатого первым — он успел схватить

один из двух дисков «Глаз», треснувший при ударе. Потом Форт выдернул Первого — протез застрял, пришлось дёрнуть, Первый зашипел. Я — последним, в пыль.

Площадь — огромная, пустая, дома без окон по кругу. «Молот» лежал боком, дымился, борт вмят, но целый — я посадил. За ним тянулась борозда в пыли на сотню метров.

— Уходим в руины! — крикнул я. — Пока не добила!

Побежали — Форт тащил Тринадцатого, Призрак прикрывал, Первый хромал, но шёл. Я — последним. Оглянулся — чаша ПВО снова поворачивалась, наводилась на «Молот», будто добивала.

— Ложись!

Луч ударил не в нас — в машину. Репульсорный блок вспыхнул, «Молот» подпрыгнул и лёг окончательно, загорелся. Волной швырнуло в стороны.

Я летел, ударился о плиту, шлем слетел, ВСД-13 выбило. Покатился, в глазах — пыль и белый свет. Нога подвернулась. Я нащупал в пыли шлем с нарисованным мечом и натянул обратно.

— Форт! Первый! — крикнул я, голос утонул в пыли.

Встал на колени — площадь пуста. Никого. Только следы в пыли, разбегающиеся в разные щели — взрыв раскидал нас.

«Молот» горел за спиной, чёрный дым в серое небо. ПВО замолчала, будто выполнила задачу.

Я остался один. Рация треснула, ВСД-13 — где-то в пыли.

На бедре — кобура уцелела, ПЛ-1 и два магазина к нему, один в рукояти, второй в кармане. Из огнестрельного — всё, что есть. Индпакет остался в нагрудном кармане, нож — в гнезде кобуры.

В кармане — блистер с четырьмя таблетками, пятая уже во рту от удара — горькая.

Где-то за руинами завыло — не ветер, не тварь с Ланнета. Другое, древнее.

Я спас отряд — вывел из-под огня, посадил, но сам отделился. Один на мёртвой планете, где даже ПВО помнит, как стрелять.

Проверил ПЛ-1 — затвор ходит, патрон в патроннике, — сунул запасной магазин за пояс.

— Форт! — крикнул в пыль. Эхо вернулось пустым.

Никто не ответил. Пошёл по следам, с ПЛ-1 в руке.

Руины жили.

Сначала казалось — пыль и тени. Но чем дальше по проспекту между домами без окон, тем яснее — они живут своей жизнью. Стены без швов, будто выращены, иногда дрожали, будто под ними дышит. На камне проступали жилы — вспыхнут и гаснут, как вены. Пыль сама собиралась в узоры, будто кто-то чертит невидимым пальцем. Воздух гудел низко, как репульсор, но машин не было.

Я чувствовал, как хор в голове — тот, что глушит таблетка, — резонирует с гулом. Руины гудели в такт чипу.

— Форт! Первый! — кричал я, голос вяз в камне.

И увидел дым — тонкую струйку за двумя кварталами, над крышами. Не от «Молота» — тот позади. Кто-то развёл огонь.

Рванул. ПЛ-1 в руке, ноги в пыли, падал, вставал, снова бежал. Живой дым — значит, живые. Мои.

За поворотом проспект оборвался — внизу котлован между руинами, и в нём — разбитый корабль. Не «Молот» — меньше, лёгкий транспортник на несколько мест, острый, как клинок, на репульсорах, белый, с обтекаемыми крыльями. Борт вмят, репульсор дымит. На борту — знак: круг с тремя лучами.

И два тела рядом.

Спустился, скользя, ПЛ-1 перед собой — и замер.

Не люди. Высокие, тонкие, даже мёртвые — красивые. Белая броня в трещинах, длинные лица, острые уши, белые волосы в пыли. Эльфы. Аэлири.

Двое. Один у борта, рука на корпусе, будто пытался вытащить второго. Второй — чуть дальше, на спине, глаза открыты, стеклянные. Мертвы давно, пыль припорошила. Раны — не от ПВО, от когтей, рваные.

Опустил пистолет. Чужие. Но летели сюда же, по тем же координатам? Засекречено...

За спиной — тихий щелчок затвора. Чужой.

Глава 5 Союз

Щелчок за спиной — тихий, но в пыли он прозвучал как выстрел.

— Не двигайся, — сказал женский голос. С акцентом, будто каждое слово прогоняют через переводчик. — Оружие на землю. Медленно.

Я замер. ПЛ-1 в ладони. Медленно присел и положил пистолет на камень, руки поднял. Пыль осела, и в отражении репульсорного обломка я её увидел.

Три шага за мной. Та же белая броня, что и у мёртвых у транспортника, только целая, но в крови. Высокая, тонкая, на груди — три луча. На ней был белый шлем с открытым забралом; из-под него выбивались белые пряди. Острые уши в крови, лицо тонкое, бледное, глаза большие, янтарные — как у Цензора, только живые. В руках лёгкий эльфийский карабин, ствол дрожит, но смотрит мне в голову.

— Клон, — сказала она, будто выплюнула. — Легион. Что ты здесь делаешь? Это наша планета.

Я медленно повернул голову — чтобы видеть её, а не ствол.

— Разведка, — сказал я. — Координаты засекречены. А ты?

Она усмехнулась и тут же скривилась — под бронёй, у ребра, сочилась кровь, уже тёмная.

— Тоже разведка. Тоже засекречено. Тоже — координаты.

Мы смотрели друг на друга. Наши стороны воевали лет двадцать; три года назад, когда появился Рой, установился статус-кво. Пропаганда с обеих сторон не замолчала. На Ланнете я бы стрелял в такой же силуэт не думая.

— Опусти ствол, — тихо сказал я. — Ты ранена, я в тебя стрелять не буду.

— Я сама решу, — отрезала она, но пальцы на карабине побелели, и ствол дрогнул сильнее.

И она упала. Не выстрелила — просто подкосились колени. Карабин выпал в пыль, она рухнула боком, схватилась за рану и зашипела — сначала на своём, потом на нашем:

— Не трогай...

Болевой шок. Я видел такое, когда Первому оторвало ногу — та же бледность, тот же уход взгляда.

Я отбросил её карабин подальше и бросился к ней.

— Не трогай! — Она слабо оттолкнула меня.

— Лежи давай, — сказал я, как тогда Первому в грязи. — Лежи, а то ты тут сдохнешь.

Перевернул на спину — лёгкая, как подросток, несмотря на рост. Рана рваная, от когтя, под рёбрами. Кровь тёмная, но немного — броня задержала. Вокруг грязь, надо чистить.

— Убери руки, клон, — прошептала она, глаза мутнели.

— Умею, — сказал я. — Нас, Якорей, всех так учат — перевязывать, пока «Мул» за тобой не прилетит. — Я достал

из нагрудного кармана индпакет — бинт с гелем из того же набора, где таблетки. Разорвал зубами.

Лил гель — она дёрнулась, зашипела.

— Слушай, раньше-то мы с тобой воевали, — сказал я, лишь бы не молчать. — На Ланнете я бы в тебя выстрелил не думая. Сейчас — нет.

— Почему? — выдохнула она.

— Потому что задача у нас теперь одна — выжить. Одна ты в этих руинах точно сдохнешь. А вдвоём — у нас с тобой хоть шанс есть. Так у нас в Легионе говорят, когда уже не до вранья.

Туго бинтовал, ремень брони мешал — я разрезал его ножом из кобуры. Она смотрела, как мои грубые клоновьи руки в шрамах пачкаются её кровью.

— Почему помогаешь? Мы враги, — прошептала она.

— Были. — Я затянул узел. — Статус-кво, помнишь? Теперь — общий Рой. И общая пыль.

Дыхание выровнялось, гель холодил, боль отступала.

— Меня зовут Элариэль, — сказала она вдруг. — Разведчик Доминиона.

— Гладиус, — ответил я. — Командор, К-7-99, 31-й Легион. Тоже разведка, тоже засекречено.

Она слабо усмехнулась:

— Значит, оба засекречены и оба разбились. Хорошая разведка.

— Лучшая, — кивнул я и помог ей сесть. Прислонил к

обломку. Её карабин поднял и положил ближе к себе, не к ней. — Твои двое?

Кивнула на трупы у транспортника:

— Экипаж. ПВО сбила на заходе. Как и вас. Мы успели подать сигнал бедствия, но, похоже, до наших он не дошёл. — Она коснулась кармана. — Я сняла с корабля маленький маяк. Он передаёт координаты, но ответа нет. А когда я сказала, что планета наша, я блефовала. Она не наша и не ваша. Она старая. И она не любит гостей.

— Моих вон на площади разбросало, — сказал я. — Четверо их там. Один — с железной ногой, ты его сразу узнаешь. Надо найти, пока ПВО их не добила и пока эта дрянь окончательно не проснулась. — Я кивнул на жилы руин: они тихо пульсировали.

Элариэль посмотрела туда же, прищурилась:

— Ты тоже слышишь? Гул?

— Слышу, — сказал я. — С Ланнета.

Она кивнула, будто это всё объяснило.

— Тогда идём. — Она попыталась встать и качнулась. Я подхватил под руку — лёгкая, гордая, не хотела опираться, но пошла.

Я поднял с камня ПЛ-1 и убрал в кобуру. Она хромала рядом в белой броне; я — в грязном плаще и шлеме с нарисованным мечом.

Мы пошли по следу в пыли — туда, куда взрывом раскидало моих. Клон и эльф — представители сторон, которые

двадцать лет стреляли друг в друга, — теперь шли рядом. Иначе — не выжить.

За спиной дымили её транспортник и мой «Молот». Впереди — живая пыль руин и дым, где, может, ждали Первый и Форт.

— Гладиус, — сказала она, не глядя на меня, — а если твои откроют по мне огонь...

— Не откроют, — сказал я. — Я для них всё ещё командир. Я прикажу — и они послушают.

— А если мои?

— Ну тогда я поговорю с ними. — Я поправил ПЛ-1 на бедре и проверил оружие: один магазин в рукояти, запасной — за поясом.

Мы вышли из котлована на проспект, и руины вздрогнули — жилы вспыхнули ярче, будто нас заметили вдвоём.

Глава 6 Путь

Мы шли по проспекту, и руины дышали.

Пыль под ногами сама собиралась в узоры — будто кто-то невидимый чертил пальцем. Стены без швов иногда вздрагивали, по ним пробегали жилы света — вспыхнут и погаснут. Воздух гудел низко, в такт с моим чипом. Я шёл с ПЛ-1 в руке, Элариэль рядом, хромая, держась за бок, где темнел бинт.

— Ты долго так ещё протянешь? — спросил я, специально не глядя на неё, чтобы не смущать.

— Да я в порядке. — Голос у неё уже звучал ровнее, гель брал. — Ты, кстати, неплохо перевязал. Для клона — вообще отлично.

— Нас так учили, — сказал я. — Каждый Якорь у нас — медик. Иначе ты просто сдохнешь, пока дождёшься помощи.

Она помолчала.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Я кивнул. Пыль скрипела под подошвами.

— За перевязку, — добавила она. — Ты мог оставить. Мы вас так называем — шумные. Я бы оставила.

— Я бы тоже, — честно сказал я. — На Ланнете — оставил бы. Приказ был бы — стрелять, я бы стрелял.

Она посмотрела на меня — большие янтарные глаза, без маски, странно — без злости.

— А сейчас что? — спросила она.

— А сейчас нас с тобой обоих сюда кинули тайно, нас обоих сбила эта ПВО и обоих раскидало, — сказал я. — Приказ «выжить» теперь важнее всего. Одна ты тут сдохнешь, вдвоём — у нас шанс.

— У нас почти так же говорят, — тихо сказала она. — Только у нас — один голос утонет в шуме, а два уже становятся хором.

Я посмотрел на неё — белая броня в пыли, коса растрепалась, кровь на бинте, но идёт рядом, не просит помощи.

— Хор, — повторил я. — У меня в голове тоже хор, после Башни. Не твой?

Шрам за ухом кольнул. До Ланнета такие слова, наверное, застряли бы в горле. Теперь чип бил короткими неровными толчками, будто после удара Башни в нём что-то сломалось. Я уже сказал — и не мог взять обратно.

Она вздрогнула и остановилась.

— Ты слышишь хор? После Башни на Ланнете?

— Слышу. Шум, образы. Таблетки глушат.

Она долго смотрела, будто решала, говорить ли.

— У нас это называют Эхом, — наконец сказала она тихо. — Древние умели с ним работать... Потом. Не сейчас.

— Потом, — кивнул я. Не время.

Проспект кончился, начались ущелья между домами без окон. В пыли — следы, мои, рифлёные.

— Это твои? — Она показала на следы.

— Мои, — кивнул я. — Вон широкий — это Форт, рядом след протеза — Первый, ровный след — Призрак, а мелкий — наш Тринадцатый. Туда они и ушли.

— А если они там... — не договорила она.

— Тогда разбираться будем, — просто сказал я. — Стреляем, только если придётся.

Она кивнула. Я вернул ей карабин, но магазин оставил в кармане. Честно.

И тут — выстрелы.

Далеко, за двумя кварталами — короткие очереди, потом длинная, снова короткие. Я узнал звук сквозь гул руин сразу.

— РПД-6! — крикнул я. — Да это же Форт! Так длинными лупит только он, когда их прижали!

Элариэль вскинулась:

— Бой?

— Бой там! — Я уже бежал, забыв про ногу, про пыль.

Я рванул, ПЛ-1 в руке, она — за мной, хромая, но бежит, даже без магазина.

Выстрелы чаще — хлопки ВСД-13, одиночные Призрака, снова длинная очередь Форта на всю ленту.

— Держатся ещё! — орал я на бегу. — Живые, суки, держатся!

Пыль из-под ног, жилы на стенах вспыхивали ярче от топота, будто руины просыпались от стрельбы.

Мы выскочили за угол — и увидели дым за следующим домом.

— Туда давай! — крикнул я и рванул на звук, где мои бой держали.

Мы вышли из-за угла здания на площадь — и увидели их.

Площадь-колодец между домами, вся в пыли. Посреди — обломок древней машины, за ним — четверо, спина к спине. Форт с РПД-6 на сошках, лента наполовину, ствол уже красный. Первый на одном колене, протез забило пылью, ВСД-13 на изготовку. Призрак без шлема, лицо в ожогах. Тринадцатый дрожит, сжимая ВСД-13; треснувший «Глаз» зацеплен у него за ремень. Стрельба на миг стихла.

Выстрел Призрака высек крошку из стены возле головы Элариэль — предупредительный. Форт вскинул РПД-6.

— Стоять! Брось оружие!

Четыре ствола — на нас. Призрак на Элариэль, Первый тоже, Тринадцатый дрожит, но целит.

— Командир в плену! — заорал Форт, увидев, как Элариэль держится за мою руку: издали могло показаться, что это она удерживает меня. — Бросай, сука, или стреляю!

Элариэль медленно подняла руки, карабин на ремне, не бросила — гордая.

— Не плен! — крикнул я, встал между стволами и ею. — Не плен! Она ранена, я перевязал! Союзник!

— Союзник?! — Форт не опускал пулемёт. — Мы с ними двадцать лет воевали! Сдурел?!

Первый держал Элариэль на прицеле, но смотрел на меня:

— Командир... точно?

Призрак молчал, ждал приказа старшего.

Тринадцатый шепнул:

— Командир... она тебя держит?

Я шагнул к Форту, ствол почти в грудь:

— Форт, опусти. Приказ. Её карабин без магазина, он у меня. Могла убить у транспортника — не убила. Вместе выживем, по одному сдохнем. Понял?

Форт смотрел мне в глаза, потом на Элариэль — бледную, с бинтом в крови, одну, без отряда.

— ...принято, командор, — прошипел он и медленно опустил РПД-6. — Но если дёрнется...

— Не дёрнется, — сказал я.

Первый опустил ВСД-13, Призрак — последним. Тринадцатый выдохнул.

Элариэль опустила руки, кивнула мне — спасибо.

— Элариэль, — представил я. — Разведчик Доминиона. Её тоже сбила ПВО. Тоже засекречено.

А вокруг снова лезли они — из стен. Не твари с Ланнета — меньше, юркие, будто сами руины ожили. Каменные, с жилками света, когти — камень. Руины защищают себя.

— Командир! — заорал Форт и дал очередь поверх голов. — Они лезут!

— Держим! — крикнул я, вставая рядом с братьями.

Элариэль рядом, я сунул ей магазин — она вставила его на ходу, чётко.

— Слева, командир! — крикнул Первый.

Я упал рядом с Фортом, ПЛ-1 — бах-бах — каменная тварь треснула, жилка погасла.

— Где тебя носило?! — орал Форт, даже не переставая стрелять. — Мы думали, ты вместе с «Молотом» сгорел!

— Потом! ПВО нас сбила! — крикнул я.

Элариэль встала рядом с Призраком, её карабин — белый луч насквозь, тварь рассыпалась пылью. Призрак посмотрел на неё, кивнул — принял без слов.

— К стене жмитесь! — крикнул я. — К стене, а то они нас окружат!

Мы сдвинулись, спина к стене. Форт дал длинную:

— На, жрите, камни!

Тринадцатого сбила тварь — я дважды выстрелил ей в голову, она отлетела. Первый выдернул его за шиворот и пнул тварь протезом.

Элариэль — хромая, но точная, каждый выстрел — в свет.

— Ядро! Бейте в жилы! — крикнула она на нашем.

Я понял — жилки на стенах, как у Башни. Вскинул ПЛ-1, в жилу — вспышка, три твари рядом замерли и рассыпались.

— В жилы им бейте! — заорал я. — Вон в те жилы на стенах!

Форт развернул РПД-6 по стене — жилы гасли одна за одной, твари падали.

Тишина. Пыль оседает, гильзы дымятся.

— Надо уходить, — сказал я, — пока они снова не проснулись.

Тринадцатый прошептал:

— Командир... они живые... руины живые...

— Знаю, — сказал я и помог Первому встать. — Потому и уходим.

Мы двинулись дальше сквозь оседающую пыль.

Не прошли и двадцати шагов — руины вздрогнули ударом. Пыль взметнулась, жилы вспыхнули все сразу, гул стал злым. Я прислушался к нему, пытаясь понять, откуда идёт удар, — и уши заложило, будто нырнул слишком глубоко. Голоса братьев провалились, словно под воду.

— Что это? — крикнул Тринадцатый, вцепившись в карабин.

Элариэль побледнела, прижала бинт:

— Вы разбудили ядро. Оно думает, мы — вирус.

— Какое ядро?! — рявкнул Форт, вскидывая пулемёт.

Стена впереди треснула, как скорлупа, и полезли они — больше, крупнее, не каменные, а что-то между камнем и хитином, с теми же жилками. Одна, две, десять — из каждого дома, с крыш, из-под пыли.

— Круг давай! — заорал я. — Круг, как нас учили!

Мы встали спина к спине на тесном пятачке.

Форт первым: РПД-6 загрохотал, лента пошла веером.

— Лента кончается! Командир, долго?!

— Держи! — Первый на колене, протез скрипит, а сам он бьёт одиночными. — Лево чисто!

Призрак молча щёлкал — каждый выстрел — труп. Даже

без шлема, в ожогах, не морщился.

Тринадцатый дрожал, но палил и кричал: «Попал! Попал!»

Элариэль — хромая, рядом со мной, карабин пел — каждый луч в жилу. Твари рядом падали, будто им отрубили питание.

— В жилы! — крикнула она. — В ядро — в центре площади! Оно управляет!

В центре пыль расступилась, из земли поднималось оно — шар из камня и света с жилами, пульсирует, как Башня на Ланнете, только меньше.

— Форт, прикрой! — крикнул я. — Я к ядру!

— Сдурел?! — Форт дал очередь. — Там сотня!

— Прикрой, приказ! — Я рванул, ПЛ-1 в руке. Элариэль — за мной, хотя кровит.

Мы бежали через тварей, наши били поверх голов, Призрак снимал прыгающих. Добежал до ядра — гудит, жилы светятся, пыль кружится.

— Что делать?! — крикнул я.

— В центр! Вместе! — Элариэль вскинула карабин.

Мы выстрелили вдвоём — мой ПЛ-1 — бах-бах, её луч — белый. В одну точку. Жила лопнула, свет погас, гул оборвался.

Твари замерли. Тишина. Потом посыпались песком.

Площадь затихла. Только пыль и дым гильз.

Форт опустил РПД-6, ствол красный:

— ...всё? Мы их вырубили?

Первый встал, протез скрипнул, посмотрел на тёмное ядро:

— Командир, как ты...

Тринадцатый сел в пыль, обнял колени:

— Я думал, всё...

Призрак подошёл к Элариэль, кивнул ей. Она кивнула в ответ.

Элариэль держалась за бок, бинт снова в крови, но слабо улыбалась:

— Вы... хорошо деретесь. Для клонов.

Форт хмыкнул, вытер пот:

— А ты ничего. Для эльфа.

Братья и Элариэль были в пыли, но живы. Теперь мы стреляли в одну сторону. Тринадцатый снял подбитым «Глазом» жилы на стенах руин. Он держал диск в руках: камера ещё работала.

— Надо уходить, — сказал я. — Пока оно снова не проснулось. И пока ПВО нас не вспомнила.

Мы пошли уже не как чужие — вглубь города, где за поворотом ждал тёмный вход вниз, туда, куда уходили жилы.

Тринадцатый прошептал:

— Командир... а там что?

— Узнаем, — сказал я и проверил ПЛ-1. Один патрон.

За спиной ядро тихо треснуло — будто вздохнуло.

Глава 7 Связь

В ту ночь мы укрылись у входа в руинах и дежурили по очереди. На второй день к башне-ретранслятору нас вели руины сами.

Она стояла на горизонте одна — не развалившаяся, высокая, как Башня на Ланнете, только не чёрная, а серая, каменная, с чашей наверху, как у ПВО, только больше. От неё разбегались жилы по земле, как корни.

— Километр, — сказал Первый. Протез скрипел на каждом шаге, но он шёл. — Если откуда и пробьёт — то только оттуда.

— Попробуем хоть кого-нибудь вызвать, — сказал я. «Непоколебимый» остался у Терра-Нова; здесь на орбите висело только наше пустое кольцо. Ретранслятор мог дотянуться до Терра-Нова.

Форт хмыкнул:

— А если нет? Командование знает, куда нас послали, а мы не знаем, когда вернёмся. Тайно кинули, без срока. Может, нас опять на убой отправили?

— Потому и попробуем, — сказал я.

Элариэль шла рядом, уже сама, держась за бок:

— Если он древний, усилит даже слабый сигнал. Но и чужой услышит.

— Ну тогда хоть кого живого поймаем, — сказал я. —

Лишь бы не эта тишина.

По пути Тринадцатый вскинул руку:

— Командир, смотрите — терминал!

У стены — плита с письменами, которые менялись, когда не смотришь. Элариэль коснулась — жилки вспыхнули. Тринадцатый снял часть надписей треснувшим «Глазом».

— Архив, — прошептала она. — Здесь был мир-Сад. Садовники — так они себя называли. Большая часть записи повреждена; что с ними случилось, я не могу разобрать. Но здесь ещё обрывок: глубоко в недрах планеты — зародыш, матка Роя. Её корни питаются планетой. Вокруг — несколько ступеней живой охраны, одни стражи подчинены другим. Где именно её искать, не сказано. Обычными средствами матку не уничтожить. И часть архива хранится в узле ПВО.

— Значит, эта планета не случайна, — тихо сказал Первый. — Потому координаты и засекречены. Обе стороны знали.

— Значит, надо не просто выбраться, — сказал я, — а сообщить, пока не поздно.

Мы дошли. Вход без дверей, внутри гул, как в «Молоте», только древний. В центре — столб света.

Я достал треснутую рацию:

— Всем, кто слышит, это Гладиус, К-7-99, 31-й Легион, приём. Терра-Нова, командование, ответьте!

Тишина. Треск, как на Ланнете.

Форт попробовал свою:

— База, база, это Форт, К-7-44, приём!

Тот же треск.

Призрак молча включил аварийный маяк «Молота» — на диске замигал красный огонёк. Ответа не было.

— Они глушат нас, — сказал Первый. — Как та Башня. Это руины нас глушат.

Элариэль подошла к столбу, приложила ладонь — жилки вспыхнули, гул стал громче:

— Через него попробуй. Древний усилит.

Я поднёс рацию к свету. По приказу нельзя было разглашать место назначения, цель поисков и сведения о планете или показывать её снимки. Оставалось надеяться, что нас найдут по сигналу. Нажал:

— Всем, кто слышит! Это командор Гладиус, 31-й Легион! Наш «Молот» разбит, нужна срочная эвакуация! Найдите нас по аварийному сигналу. Приём!

Шипение. Щелчок. И чужой голос. Не Крейг, не «Непоколебимый». Низкий, с эхом, будто через несколько переводчиков:

— ...слышу вас, Гладиус... Держитесь... мы уже в пути...

Связь оборвалась, столб погас.

Мы переглянулись. Форт прошептал:

— Командир... кто это был?

Я смотрел на рацию — сигнал шёл, но не наш.

— Не знаю, — сказал я. — Но кто-то услышал. И уже летит сюда.

За спиной в темноте тихо треснуло что-то в камне.

— Попробуем ещё, — сказал Первый.

Я снова поднёс рацию к столбу:

— Всем, кто слышит, это Гладиус, приём! Неизвестный борт, ответьте!

Треск. Я крутил частоты, Элариэль держала ладонь на столбе, жилки вспыхивали, но голос не возвращался.

— Без толку, — тихо сказал Призрак. — Они нас глушат или уже ушли из зоны.

— Или просто говорить с нами не хотят, — буркнул Форт.

Я выключил рацию. Столб медленно гас.

— Берём оба маяка, — сказал я. — И уходим отсюда. Если мы тут останемся — ПВО снова проснётся.

Призрак снял с пояса наш диск-маяк с красной лампой и чёрный камень с жилкой, который Элариэль отковыряла от столба. Камень тоже слабо светился.

— Два маяка, — сказал Первый. — Один наш, другой — в кармане у Элариэль. Может, хоть один пробьёт.

— Можно разбить лагерь в руинах, подальше от ядра, где жилы не светятся. Ночь близко, а мы без «Молота».

Элариэль вдруг остановилась:

— Они не знают.

— Кто? — спросил Форт.

— Те, кто ответил. — Она посмотрела на рацию. — Про ПВО. Мы не смогли их предупредить. Если они о ней не знают и пойдут на посадку — их собьют, как нас. Как мой транс-

портник.

Холод по спине.

— Значит, надо снести ПВО, — сказал я. — Пока не прилетели.

Первый кивнул:

— Там, чаши на башнях. Их много.

— Лагерь подождёт. Найдём главный узел, — сказал я. — Откуда всё управляется. Идём сразу, пока небо пусто.

— Кольцо на орбите без корабля нам не поможет, — тихо добавил Призрак. — Ни сообщение через него не передать, ни уйти. Надо расчистить дорогу тем, кто летит за нами.

Диск-маяк и чёрный камень убрали в рюкзак. Мы пошли к тёмным силуэтам башен ПВО, чтобы успеть, пока в небе никого нет.

Глава 8 Узел

К башням ПВО нас вёл сам город.

Жилы под пылью светились ярче, когда мы шли к центру — туда, где стояла самая высокая, глухая, без чаши, как колодец. От неё кабели-корни разбегались ко всем остальным.

— Главный узел у них там, — сказала Элариэль, одна ладонь на бинте, другая на стене — слушает. — Он сейчас спит, но все чаши держит.

— А чем мы его вырубать будем? — Форт перекинул РПД-6, лента у него уже на исходе. — Взорвать его? У нас пол-ленты и по два магазина на брата.

— Найдём как, — сказал я. — Древние же его как-то выключали.

Первый хромал рядом, но держал темп:

— А если пальнёт, как по «Молоту», когда подойдём?

— Тогда ляжем, — тихо сказал Призрак. Все посмотрели — он редко шутит.

Тринадцатый шёл последним, сжимая ВСД-13:

— Командир, а если там внутри кто-то есть?

— Узнаем.

Башня-узел была огромна. Без окон, без дверей — только круглый шов внизу, как закрытый люк, над ним — стёртый знак трёх лучей, как на транспортнике эльфов, только древний. Тринадцатый снял башню треснувшим диском «Глаз».

Элариэль коснулась шва — жилка вспыхнула янтарём, как её глаза:

— Заперто Эхом. Нужен ключ. Или голос.

Я приложил ладонь рядом — чип гуднул, как на Ланнете. Шов дрогнул, пыль посыпалась.

— Открывается, — прошептал Первый.

Шов разошёлся медленно, как веки. Внутри темно, гул, как в «Молоте» перед прыжком, в центре — столп света. Шар из камня и света с жилками, как ядро на площади, только больше, с шипами-антеннами.

— Сердце ПВО, — сказала Элариэль. — Отключим — чаши ослепнут. Корабли смогут сесть.

Форт вскинул РПД-6:

— Так давай всадим!

— Стой, — остановил Призрак и показал — вокруг столпа кости. Десятки скелетов в древней броне, не люди, не эльфы — по три глазницы. Садовники. Лежат, обняв оружие, будто уснули на посту.

— Они не взрывали, — тихо сказал я. — Охраняли. Даже мёртвыми.

Элариэль кивнула:

— Мы изучали устройства Садовников, и при раскопках уже был опасный случай. Если просто взорвать такой узел — рванёт полпланеты. Надо отключить.

— Как? — спросил Форт.

Она посмотрела на меня:

— Ты слышишь хор, Гладиус. Как они. Прикоснись, как я.

Я посмотрел на братьев — Первый кивнул, Форт пожал плечами, Призрак — кивнул, Тринадцатый испуганно моргнул.

Шагнул к столпу, ПЛ-1 за поясом, таблетка уже во рту, горькая. Положил ладонь на холодный камень.

Гул стал громче. Хор, который глушили таблетки, взвыл в такт с узлом. Белый свет залил глаза.

И я увидел — не руины, а город живым: огни, высокие силуэты на мостах, купола, белый свет в небе. Изображение дрогнуло и оборвалось прежде, чем я успел понять, что это было.

— Гладиус! — голос Элариэль сквозь хор. — Отпускай! Будишь!

Я отдёрнул руку — ладонь обожгло, узел вспыхнул ярче, чаши снаружи завыли, поворачиваясь.

— Разбудили, — прошептал Первый.

Сверху пыль посыпалась — ПВО снова искала цель. Луч скользнул по площади, выжег борозду.

— Ложись! — заорал я.

Мы упали, луч прошёл над головами, врезался в стену — камень потёк.

— Надо вырубить, пока не прицелилась! — крикнул Форт, вскидывая пулемёт.

— Не стреляй! — крикнула Элариэль. — Рванёт! Надо через Эхо!

— Как?! — крикнул я.

— Вдвоём давай! — Она схватила мою руку — ладонь холодная. — Ты слышишь хор, как и мы. Прикоснись со мной!

Я посмотрел — Форт и Первый стояли по сторонам выхода и оттуда били по чаше снаружи, чтобы сбить прицел, Призрак с Тринадцатым прикрывали.

— Прикройте! — крикнул я и шагнул к столпу с Элариэль.

Положили ладони вдвоём — моя грубая клоновья и её тонкая — на камень. Жилка вспыхнула янтарём, хор взвыл в такт, белый свет залил глаза — снова тот город в огнях, лишь на миг, потом образы рассыпались.

— Отпускай! — крикнула она.

Мы дёрнули руки — жила лопнула со звоном, свет погас, гул оборвался. Чаши снаружи завыли и замерли.

Тишина. Тринадцатый поднял треснувший «Глаз» и снял потемневший узел.

Форт опустил РПД-6:

— Вырубили?

Первый посмотрел на тёмный узел:

— Командор, ты как?

Я стоял, ладонь обожжена, в голове впервые с Ланнета — тишина. Даже хор замолчал. Из носа потекла кровь, уши заложило так, что голос Первого доносился словно сквозь вату. Элариэль тоже смахнула кровь с губ и прижала ладони к ушам.

На краю тишины мелькнуло чужое внимание — голодное, знакомое по Ланнету. Будто оно почувствовало, с какой стороны пришёл наш зов. Я обернулся, но за нами были только камень и пыль.

Элариэль слабо улыбнулась:

— Теперь корабли смогут сесть.

За спиной — уже не гул ПВО, а далёкий гул с орбиты. Кто-то шёл на посадку, не зная, что мы только что открыли ему дверь.

Глава 9 Гномы

Гул с неба стал громче — не вой ПВО, а низкий рокот двигателей, каких у Республики нет.

Мы выбежали из зала-узла на площадь — пыль ещё оседала, чаши ПВО висели мёртво, опущены. В сером небе точка росла, шла на посадку без запроса, без сигнала, прямо к нам, будто знала, где мы.

— Это не наши, — сказал Первый, протез скрипнул, ВСД-13 на изготовку. — У наших «Молотов» другой звук.

— И не наши, — тихо сказала Элариэль. — У Доминиона бесшумные.

Точка стала кораблём — низким, широким, как кирпич, на репульсорах, покрытым заклёпками и бронёй, с бородой из антенн. Шёл тяжело, будто не летел, а падал и передумал. На борту — молот и шестерня.

— Гномы, — выдохнула Элариэль. — Караван Каменного Пояса.

— Те самые, что с нами торгуют, а потом дерутся за астероид? — хмыкнул Форт.

Корабль сел не грациозно, как эльфийский, не ровно, как наш, а с грохотом, пылью и лязгом, будто упал. Аппарель откинулась с шипением, вышли трое.

Низкие, мне по грудь, но в ширину — как Форт. В тяжёлой броне, как у «Голиафа», только на человека, шлемы с

фонарями, бороды заплетены, с кольцами. В руках короткие толстые дробовики, стволы — как трубы.

Первый из них шагнул вперёд, снял шлем — лицо широкое, нос картошкой, борода рыжая в две косы.

— Кто тут орал на весь сектор «Нужна эвакуация»?! — рявкнул он, будто камни жуёт. — Мы мимо летели, услышали, по сигналу вас нашли! Вы кто такие, что нас вот так подняли?!

Я шагнул вперёд, руки видны, ПЛ-1 за поясом:

— Легион, Республика, разведка. Командор Гладиус, К-7-99, 31-й Легион. Наш корабль разбит, нужна помощь.

— Легион? — прищурился он, оглядел нас. — А, клоны. Опять мясо кинули. А это кто? — ткнул стволом в Элариэль.

— Доминион, разведка, — холодно сказала она. — Элариэль.

Гном фыркнул:

— Эльф. Так и знал. Заклятые друзья, а мы посередине, да?

Форт не выдержал:

— А вы кто? Гномы-спасатели?

Гном глянул на его РПД-6, хмыкнул в бороду:

— Мы — Караван, вольные рудокопы. С людьми торгуем, с эльфами — не в ладах, но мимо беды не летим. Ваш «всем, кто слышит» — решили проверить. — Кивнул на наш разбитый «Молот» и на свой кирпич. — Ваше корыто в хлам, наше летает. Можем вытащить, но не за спасибо. Что дадите?

Элариэль поджала губы, но смолчала — знает, гномы эльфов не любят со старых войн за Пояс.

— О задании говорить не могу, — сказал я. — За вывоз рассчитаемся.

Он почесал бороду, посмотрел на тёмное ядро за нами, хмыкнул:

— Дело есть дело. За вывоз — полцены. О расчёте договоримся на станции. Сделка?

Первый шепнул: «Командир, им верить?»

Я посмотрел на гнома — маленький, жадный, но глаза честные, как у Форта.

— Сделка. — Я протянул руку.

Гном пожал её. Ладонь — как лопата, в мозолях.

— Брунд, старшина Каравана. Залезайте, пока ПВО не проснулась. И эльфа берите, а то одна сдохнет.

Мы пошли к «Трудяге» — так они назвали свой кирпич. Вблизи он оказался гораздо крупнее «Молота»: многопалубный грузовой корабль, чьи широкие борта заслоняли руины. Ещё больше заклёпок, броня в три слоя, как у «Голиафа», только варили сами. Пахло горячим маслом и свежим хлебом с камбуза — гномы пекут на борту.

Внутри тесно и шумно. Потолок мне по макушку, Форту впритык, гномам в самый раз — под себя строили. Коридор узкий, трубы в изоляции, капает масло, ключи на магнитах, схемы от руки, кружки с бородами. Пахнет камнем и маслом. Техники-гномы косились на нас и на Элариэль в гряз-

ной белой броне.

— Это «Трудяга», — буркнул Брунд, проведя ладонью по заклёпкам, как по питомцу. — Рудокоп, не военный. Корпус — трёхслойная броня, варили сами. Движки гномьи, на репульсорах, но и «Непоколебимый» сдвинут. Мастерская, кузня, один гальюн на всех и камбуз, где Бруна печёт лепёшки.

— Бруна? — переспросил Тринадцатый.

— Жена моя, — сказал второй гном с чёрной бородой. — Кок. Лепёшки не трогай — руку откусит.

Мимо машинного — гул, как в улье, репульсорный блок размером с «Шакал», гном стучал по нему ключом, как по бубну.

— Старый, но верный, — сказал Брунд. — Латали сто раз, каждая заклёпка — история. Вон та от астероида, та от эльфийского луча за Пояс. — Он покосился на Элариэль. — Без обид, ушастая.

— Без обид, бородатый, — фыркнула она. — Мы тоже помним Пояс.

Мы протиснулись следом за Брундом между гномами и трубами.

За спиной остался тёмный зал узла ПВО. Где на планете скрывается матка Роя, мы не знали.

Глава 10 На борт

Брунд повёл нас дальше по коридору.

Мы шли за ним с оружием. Карабин Элариэль был с магазином, который я вернул ей ещё у площади.

— Сюда, — Брунд ткнул в грузовой отсек — лавки вдоль бортов, как в «Молоте», только ниже. — Садитесь, пристегнитесь. У нас свой прыжковый генератор — довезём до «Пяти Корон», дальше сами.

Мы сели — лавки узкие, колени упираются. Первый вытянул протез, Тринадцатый сел рядом с Элариэль — она не отодвинулась.

— А ПВО? — спросил я.

— Проверили, — сказал Брок с чёрной бородой. — Чаши лежат, сигнал глух. Успели.

Форт хмыкнул:

— Повезло — это когда не сбивают.

Гном заржал — будто камни посыпались:

— Ха! Наш человек! Точнее, клон!

Корабль дрогнул, репульсоры загудели тяжело, как «Голиаф» на гусеницах. Пыль за бортом поднялась, руины поплыли вниз.

Я смотрел в иллюминатор — Эхо-7 уходила, серая, мёртвая, с башнями ПВО, которые мы вырубили. Матка Роя оставалась глубоко под поверхностью, но где именно — мы не

знали.

Элариэль рядом тихо:

— Спасибо, что не бросил. Там, у транспортника.

— Ты бы тоже не бросила, — сказал я.

— Не бросила бы, — соврала она и улыбнулась.

Впереди на орбите мигало наше кольцо. «Молот» остался внизу, разбитый, а «Трудяге» кольцо было ни к чему.

— Держитесь! — крикнул Брунд из кабины. — Сейчас выйдем на орбиту!

«Трудяга» рванул вверх, мимо кольца. Пыль осталась внизу, а Эхо-7 постепенно уменьшалась за кормой. Тринадцатый снял планету треснувшим «Глазом» через иллюминатор.

Гномий корабль идёт тяжеловато, репульсоры гудят, как старый «Голиаф». В отсеке тепло от движков. Гномы не молчали.

Брунд сел напротив, достал флягу — пахло травами — и протянул мне:

— На, командор, хлебни. На камне настоян. Для нервов.

Я глотнул — обожгло, тепло пошло.

— Спасибо.

— Вы чего одинаковые, а дерётесь по-разному? — спросил Брок, глядя на нас. — Тот с пулемётом орёт, тот молчит, тот с железной ногой скрипит.

Форт заржал:

— А вы чего бородатые, а пьёте по-разному? Ты много, он мало?

Брок заржал — как камни:

— Ха! Наш человек!

Элариэль чуть в стороне, белая броня в грязи, бинт на боку. Гномы косились, но не лезли. Тихо спросила:

— Почему помогли? С нами не в ладах.

Брунд посмотрел на нас, на одинаковые лица, на протез:

— С эльфами — не в ладах, за Пояс обида. С людьми торгуем честно. А клоны... — Он махнул на нас. — Вы как мы, работяги. Вас выращивают, а мы в шахте пашем. В беде не бросать — у гномов так.

Первый кивнул:

— У нас во взводе тоже. Своих не бросаем.

Тринадцатый тихо спросил:

— А бороду долго растить?

Брок расхохотался, кинул гребень:

— На, учись! Через сто лет отрастишь!

Тринадцатый поймал, серьёзно кивнул, все засмеялись — впервые после Ланнета искренне.

Призрак молча достал из рюкзака запасную ленту к РПД-6, показал гному — тот принёс свою, толще, но подходит.

Я сидел в тесноте «Трудяги» и смотрел на тех, кто был рядом. Мы летели с мёртвой планеты, где чуть не сдохли. Прошёл почти час после узла, прежде чем уши наконец отпустило — и у меня, и у Элариэль. Голоса гномов снова зазвучали нормально.

Элариэль рядом тихо:

— Гладиус, ты таблетки пьёшь?

Достал блистер — три осталось.

— По одной после приступа. Приказ врача.

Она кивнула:

— Не перебарщивай. Эхо глушить — хуже.

Впереди пространство дрогнуло — заработал гномий прыжковый генератор. За бортом раскрылась дыра, и мы нырнули.

Глава 11 Пять корон

Четверо суток мы провели на «Трудяге». После первого прыжка были дни пути и ещё один прыжок. Когда вынырнули у станции, я понял, что такое «густонаселённая».

Станция висела в пустоте — огромное кольцо. Три яруса, огни до горизонта, доки забиты торговыми судами — баржами, танкерами, курьерами, лёгкими челноками гномов и эльфов и ещё десятком тех, кого я не знаю. Ни «Молотов», ни гномьих кирпичей-бойцов, ни эльфийских игл — только торговля. Зато вокруг кольца — башни обороны, как ПВО на Эхо-7, только новые, и мерцающий щит.

В эфире гул на десятке языков.

— Охуеть, — выдохнул Форт, прилип к иллюминатору. — Командир, тут больше народу, чем на Ланнете клонов!

— На Ланнете ты видел клонов, а здесь — представителей различных рас, — тихо сказала Элариэль. — Станция Союза Пяти.

Кольцо росло. Верхний ярус — доки и склады, краны, контейнеры. Средний — рынок: ряды лавок, пар от еды, толпы — гномы в броне, эльфы в белых плащах, люди в спецовках, ксары с хвостами, вайры с шестью руками. Нижний — жильё, огни тише.

— «Пять Корон», — сказал Брунд. — Союз пяти крупнейших торговых домов.

«Трудяга» сел с грохотом, аппарель откинулась, и внутрь хлынул тёплый воздух — с запахом жареного мяса, масла, специй, чужих духов и озона от щита. Со стороны рынка доносились голоса и стук молотков.

Я вышел первым, за мной — братья и Элариэль. На нас смотрели любопытно, не враждебно.

— Куда теперь? — спросил Первый, глядя на ящики в трюме.

— Мы — разгружать и продавать, — сказал Брунд. — Камень с Пояса. Поможете с рудой — считай, за вывоз рассчитались. А вы ищите попутку до Терра-Нова — заплатите или отработаете.

— А как же доклад? — спросил я.

— Потом, — отмахнулся Брунд. — Сначала выжить, потом докладывать. Пошли, пока место не заняли.

Гномы пошли к контейнерам, а мы сели у стены. ПЛ-1 оставался у меня на бедре, карабин Элариэль лежал у неё на коленях.

— Ты хочешь домой? — тихо спросил я у Элариэль, чтобы другие нас не слышали.

Она посмотрела на толпу, потом на меня:

— У меня дома нет, как у тебя, — тихо сказала она. — Для меня Доминион — не дом, я там тоже чужая, потому что слишком много вопросов задаю. А у тебя Терра-Нова — это дом?

— Казарма — мой дом, — сказал я. — Чан, «Молот» и

мои братья. Где они — там и я дома. А у тебя как?

Она помолчала и впервые улыбнулась без холода:

— Сейчас — где не стреляют. Я ведь говорила: я бы тебя бросила. А ты меня не бросил.

— Я бы тоже оставил, если бы мы не нуждались друг в друге, чтобы выжить, — честно сказал я. — Сейчас иначе. Ты своя.

Она посмотрела мне в глаза — янтарь близко — и кивнула. Форт сзади толкнул Первого локтем, Первый шикнул.

Тринадцатый шепнул Форту:

— А она красивая... для эльфа.

Форт в ответ:

— А ты для клона ничего.

Я сделал вид, что не слышу, Элариэль чуть покраснела — у эльфов по ушам видно — и отвернулась.

— А у вас там как? — тихо спросил Тринадцатый.

— Тихо, — сказала она. — Слишком тихо. У нас не спорят, как вы. У вас шумно, но честно.

Первый кивнул:

— У нас шумно. Форт всегда орёт.

— Эй, я не ору! — возмутился Форт. — Я громко командую!

Призрак хмыкнул и сказал Элариэль:

— Спасибо. За ядро.

Она посмотрела на четверых серьёзно:

— Это вам спасибо. Без вас мы бы ядро не вырубили.

— Тебе отдохнуть надо, — сказал я, глядя на её бок, где бинт снова пропитался кровью. — У тебя рана снова открылась.

Она поморщилась, но кивнула:

— Знаю. Перевяжу.

Первый пододвинул ящик:

— Садись. Мы пока ящики потаскаем.

Я оглядел всех и понял: мы были вместе — уже не отряд и придаток.

К вечеру Брунд крикнул, таща ящик:

— Эй, командор, нашли попутку до Терра-Нова — через час уходит! Идём, поможете таскать, а то не успеем!

Форт вскочил, схватил ящик:

— Пошли, пока не улетела! Разомнёмся!

Мы пошли таскать ящики с рудой к покупателю — как обычные грузчики станции, а не герои.

Глава 12 Караван

Попутку нашёл Брунд — привёл нас к краю дока, где стоял не корабль вроде «Трудяги», а караван: длинный поезд из сцепленных барж, весь в контейнерах, с эмблемой Союза Пяти на борту — пять колец.

У трапа стоял командир — не гном, не эльф, человек, лет пятидесяти, седой, в потёртой куртке с нашивками караванщика. Сединой на висках он напомнил мне Первого, хотя лицо было старше, обветренное и в морщинах. За ним — двое помощников, ксары, чешуйчатые, молчаливые.

— Это старшина Каро, — сказал Брунд, хлопнув его по плечу. — Вольный караван «Странник», идёт на Терра-Нова через два прыжка. Обещал взять вас всех, если поможете с погрузкой.

Каро оглядел нас с головы до ног.

— Легион? — спросил он хрипло. — Вы клоны?

— Легион, — сказал я и встал смирно. — Командор Гладиус, К-7-99, мой взвод. И вот она — Элариэль с нами.

Каро кивнул, заметив наш разбитый вид и бинт Элариэль:

— А эльфийка тоже с вами? — Каро задержал на ней взгляд.

— Вернулись вместе, — сказал я. — А полетит ли дальше с нами, она решит сама.

— Возьму вас всех, — сказал Каро просто, по-доброму.

— Если она решит лететь тоже. Места у меня мало, но потеснимся. Условие одно: в пути будете работать. Грузить, чинить, стоять на вахте — как все. Поможете — довезу вас.

Форт хмыкнул:

— А платить?

Каро усмехнулся:

— Денег не надо. Поможете в дороге — и квиты. Вижу — вам досталось.

Я посмотрел на Элариэль — она кивнула, на Первого — кивнул, на Форта — пожал плечами.

— Сделка, — сказал я и протянул руку.

Каро пожал — крепко, по-рабочему, потом посмотрел на Элариэль:

— А ты куда, ушастая? Эльфийские-то караваны тут очень редко бывают — раз в полгода, если повезёт. Ты их ждать будешь?

Элариэль посмотрела на Брунда, и тот кивнул, подтверждая слова Каро. Потом она оглядела пустой док, где не было эльфийских игл, и посмотрела на меня — на мой грязный плащ и ПЛ-1 на бедре. Опасно — лететь с людьми, с клонами, на человеческую столицу, где её могут взять Цензоры. Но остаться одной — ещё опаснее.

— Я... — Она помедлила, потом заговорила тихо, но твёрдо. — Я с ним полечу. С Гладиусом до Терра-Нова. У меня тоже доклад там, а вместе нам поверят больше.

Брунд хмыкнул в бороду:

— Опасно, эльф, но... уважаю. Решилась — так решилась.

Я посмотрел на неё, кивнул:

— Вместе, значит. До Терра-Нова.

Она кивнула в ответ и чуть улыбнулась.

— Тогда — на борт, — сказал Каро. — Отходим через полчаса. Брунд, спасибо, что привёл.

Брунд хлопнул меня по плечу:

— Удачи, командор. И эльфа береги, а то одна пропадёт.

Мы пошли к трапу уже не просто попутчиками: Элариэль выбрала лететь с нами, хотя это было опасно.

За спиной «Трудяга» гудел, Брунд махал бородой, а впереди — длинный караван: там нас ждали тесные койки и путь домой.

Глава 13 Дорога домой

Дорога домой — это не прыжок. Прыжок — это миг, когда пространство рвёт дыру и ты проваливаешься. А дорога — это дни между дырами, когда ты просто живёшь в железе, которое везёт тебя.

Караван «Странник» — это не корабль. Это поезд.

Спереди — буксир, облезлый, как старый тягач, где живут старшина Каро и два его помощника-ксары, молчаливые, чешуйчатые, с глазами-щелями. Сзади — пять барж, сцепленных тросами и силовыми полями, каждая — как ангар: первая — с рудой, которую гномы продали и Каро перекупил, вторая — с ящиками еды и воды, третья — наша, грузопассажирская, переделанная, четвёртая — с топливом, пятая — пустая, для балласта. Между баржами — переходные рукава, где дует ветер от вентиляции, и если не держаться — унесёт.

Нас поселили в третьей. Койки в три яруса, как в казарме Легиона, только теплее и пахнет не маслом и потом, а хлебом с камбуза и старой краской. Среди других попутчиков были два шахтёра с Пояса, семья вайров — трое, с детьми, которые бегали босые, и старый техник-человек, который всю дорогу спал.

Первый день — привыкали.

Форту — радость. Ему дали ящики таскать с первой баржи во вторую — перекладка для баланса. Он пёр по два, ры-

ча, пот лил, а шахтёры смотрели — человек-гора, с таким же лицом, как у остальных, но с татухой «Форт» на плече.

— Ты чего, клон? — спросил один шахтёр, кривой, без зуба.

— Гренадер, — буркнул Форт, не останавливаясь. — Тридцать первый Легион. А ты чего — язык чешешь, а не таскаешь?

Шахтёр хмыкнул, но ящик поднял. Форт — он такой, сразу ставит.

Первому — работа по душе. Протез ещё ныл, но он уже привык — прыгал, как раньше, только стучал громче. Его взял к себе техник-ксар, показал репульсорный блок третьей баржи — гудел, как больной.

— Чинить умеешь? — прошипел ксар, язык раздвоенный.

— Умею, — сказал Первый, сел, достал мультитул из пояса — гномий, подарок гномов. — На «Молоте» чинил, тут — так же.

Через час блок не гудел, а пел. Ксар кивнул, впервые улыбнулся — страшно — и дал Первому нашивку техника, синюю.

— Носи, — сказал. — Свой.

Призрак — на вахте. Ему Каро дал место в шлюзе-наблюдателе, где стекло до пола и звёзды — как будто висишь. Призрак сидел там часами, молчал, смотрел, иногда — докладывал: «Обломок справа, три градуса» или «Поле дрожит». Ксары его уважали — за тишину, за то, что не болтает.

Тринадцатому — праздник. Ему дали нашивку «юнга», красную, и гоняли с поручениями: принеси, отнеси, подай. Он бегал, светился, всем улыбался, даже вайрам-детям, которые боялись его лица, такого же, как у остальных клонов.

— Дядя, а ты почему такой же, как они? — спросила маленькая вайра, с пушком вместо волос.

— Потому что мы клоны, — честно сказал Тринадцатый, сел на пол, чтобы быть ниже. — Мы из одной пробирки. Но я — Тринадцатый, а он — Форт, мы разные.

Девочка потрогала его нашивку, кивнула — поняла.

Мне досталась вахта с Элариэль. Каро поставил нас вместе — «вы вдвоём — как один, не разлей». Сидели в шлюзе, где обзор, по очереди — два часа она, два — я. Первый прыжок прошли на третьи сутки, потом вахты снова потянулись одна за другой.

Она — в чистой серой, мягкой одежде, которую дали ксары, а не в белой броне. Броню она чистила и сушила у койки, карабин держала в чехле. Бинт сменили: рана снаружи стянулась розовой кожей, но бок ещё болел. Элариэль объяснила: без лекаря, умеющего лечить Эхом, такие раны у эльфов заживают долго. Волосы — распустила, без шлема, без маски — просто белые, до плеч.

Я — в своём комбезе, грязном, но уже привычном, ПЛ-1 на бедре, блистер в кармане — осталось три таблетки, с Эхо-7 больше не пил, хор тихий, почти не слышно, только иногда — как шёпот за стеной.

— Тебе страшно? — спросила она тихо в одну из вахт, когда мы остались в шлюзе вдвоём, звёзды медленно плыли мимо и караван чуть покачивало от поля.

— Что именно? — спросил я, не отрываясь от стекла, где высматривал обломки.

— Домой лететь, — сказала она. — Ты — к своим летишь, я — к чужим. На Терра-Нова нас обоих будут допрашивать. Тебя — почему ты раньше про хор не сказал, меня — почему я с людьми лечу, а не на своём курьере. И поверят ли они вообще насчёт зародыша и того узла ПВО, который мы с тобой вдвоём вырубили.

Я посмотрел на нее — янтарные глаза близко. Без маски, без брони она была просто девушкой, хоть и с острыми ушами, чуть торчащими из волос.

— Страшно, — честно сказал я. — Мне — что они мне не поверят, скажут — дефектный. А тебе — что тебя Цензоры возьмут и скажут — шпион.

— А ты боишься за меня? — вдруг спросила она прямо.

Я помедлил, потом кивнул:

— Боюсь. Ты же решилась лететь со мной, хотя знала, как опасно лететь с клонами на Терра-Нова. Я за тебя в ответе.

Она посмотрела на меня, чуть улыбнулась — уже не холодно, как на Эхо-7, а тепло:

— Решилась, потому что ты не бросил. На той планете — мог. Многие бы бросили — клон и эльф, зачем. Ты — перевязал, помог мне дойти, прикрыл. Я помню. И потому

— полечу с тобой до конца. До Терра-Нова.

Я кивнул, не знал, что сказать — слова у клонов простые, не как у эльфов. Просто положил руку на её — осторожно, она не убрала.

Через несколько дней, на шестую ночь пути, хор снова накрыл меня. Я выпил одну таблетку — в блистере осталось две. Элариэль сидела рядом, пока шум не отступил.

На седьмые сутки сзади Форт крикнул, таща ящик через рукав:

— Командир, тебя Каро зовёт! Говорит — скоро прыжок, держаться! И эльфу — тоже!

Мы встали и пошли к койкам, чтобы держаться, как учили. Караван вошёл во внешнее кольцо: пять барж качнуло, тросы натянулись. Кольцо загудело, как большой колокол, пространство впереди лопнуло дырой, синей, как глаз, — и мы нырнули.

Прыжок закончился тихо — как будто вынырнули из воды. И сразу — голос Каро по связи, хриплый, но с улыбкой:

— Проснулись, пассажиры? Смотрите в иллюминатор.

Мы бросились к шлюзу. И увидели.

Терра-Нова — голубая, огромная, с кольцом-верфью вокруг и огнями городов, которые даже днём видно. В прошлый раз мы смотрели через маленький иллюминатор десантного отсека: огни, башни, площадь. Теперь за высоким стеклом шлюза планета предстала перед нами целиком, во всей красе. И голос диспетчера — уже людской, строгий:

— Караван «Странник», видим вас, добро пожаловать домой.

Форт выругался шёпотом, Первый — положил руку на протез, Тринадцатый — засветился, Призрак — кивнул сам себе.

А я посмотрел на Элариэль. Она стояла рядом, в серой одежде, без брони, и смотрела на чужую планету, куда решилась лететь со мной, хотя это было опасно.

— Ну вот мы и прилетели, — сказал я тихо.

— Прилетели, — сказала она и крепко взяла меня за руку — уже не осторожно, как раньше, а будто боялась, что я её отпущу. — Гладиус, что бы ни было на этом докладе — мы с тобой вместе до конца. Обещаешь мне?

— Обещаю, — сказал я, сжал её руку. — До Терра-Нова и дальше.

Сзади Каро хлопнул по плечу:

— Ну, командор, довёз, как обещал. Дальше — сами. Удачи вам. Берегите друг друга.

К выходу мы шли уже не просто пассажирами, а отрядом, прошедшим этот долгий путь вместе.

Глава 14 Прибытие

Терра-Нова встретила не парадом.

Караван «Странник» сел на дальнем причале Августа-Прим — бетон, ветер, кран, запах топлива и горячей пыли. Парадная полоса была в стороне, с оркестром, а нам — сюда, где садятся грузовые без оркестра.

Мы сошли последними — шестеро.

Я впереди, в грязном комбезе, ПЛ-1 на бедре, блистер с двумя таблетками в кармане, плащ рваный, нашивка командора цела. За мной — Первый, протез стучит по бетону, ВСД-13 за спиной без магазина: магазин он сдал ксарам, оружие оставил при себе. Форт — РПД-6 в чехле, несёт, как бревно. Призрак — тенью. Тринадцатый с нашивкой юнги, гордится, не снял. И Элариэль — в серой одежде ксаров, без брони, без оружия, бинт свежий, волосы собраны, уши торчат — сразу видно: чужая. Её карабин и броню Форт нёс в отдельном свёртке.

Нас заметили сразу.

— Стоять! — с вышки, потом топот.

Комендантский патруль — шестеро в матовой лёгкой броне, без плащей, с ЛКО-4, нашивки «КП». Старший — сержант, лицо — как бетон, шрам через бровь, рука на кобуре. Встали полукругом.

— Документы! Кто такие? Откуда? С какого борта?

Форт качнул РПД-6:

— Ты кого окружаешь...

— Отставить, — тихо сказал я и шагнул вперёд, не поднимая рук. — Командор Гладиус, К-7-99, 31-й Легион «Якоря». Взвод. Вернулись с задания. Требую связи с генералом Крейгом.

Сержант не повёл бровью:

— Дезертиры, значит. Клоны сбежали, эльфа привели, сказки про задание. Знаем. После Ланнета каждый второй «с задания». На землю, руки за голову!

Патруль шагнул, один достал магниты-наручники. Другой забрал свёрток с бронёй и карабином Элариэль — до окончания проверки.

Элариэль отступила к Первому, молча — здесь она чужая вдвойне.

Первый скрипнул протезом, встал рядом:

— Командор не дезертир. Нас сбили, мы...

— Молчать! — рявкнул сержант. — Клонов не спрашивал!

Я не спорил. Медленно достал из нагрудного кармана пластик — служебный жетон с чипом и голограммой: лицо, номер, допуск.

Протянул, не опуская глаз:

— Проверяй. И требуем встречи с генералом Крейгом. Данные засекречены — доклад только ему.

Сержант вставил жетон в сканер на предплечье — писк,

голограмма: «К-7-99 ГЛАДИУС, КОМАНДОР, 31 ЛЕГИОН, ДОПУСК ПОДТВЕРЖДЁН».

Лицо дрогнуло. Посмотрел на меня, на Элариэль.

— Эльф — кто?

— Элариэль, — сказал я. — Союзница. С нами. Данные — на докладе.

Помолчал, снял руку с кобуры, кивнул своим — опустили стволы, но круг не разомкнули.

— Допуск подтверждаю, — сказал он уже без крика, твёрдо. — Но порядок — порядок. Дезертиров много, эльфов здесь не любят. Обязан сопроводить. Без наручников — под охраной. К Крейгу. Принято?

— Веди, — кивнул я.

Он нажал рацию:

— КП-4, сержант Варн, дальний седьмой, подтверждаю — командор К-7-99, допуск подтверждён, с группой эльфийка; со слов командора — союзница. Веду к штабу Крейга.

— Принято, ведите, — шипнуло в ответ.

Патруль перестроился — двое впереди, двое сзади, мы в середине. Форт сопел, Тринадцатый вцепился в ремень, Элариэль рядом тихо:

— Спасибо.

— Держись, — шепнул я. — Сейчас к Крейгу.

— Удачи! — крикнул Каро с аппарели и махнул нам рукой.

Мы пошли через бетонку к белым башням штаба, где

ждал тот, кто отправил нас на Эхо-7 тайно.

Глава 15 Новое задание

Доклад был не в штабе, а в комнате без окон.

Нас вели через белый коридор Августа-Прим вниз, в подвал. Сержант Варн сдал нас у двери двум Цензорам в белых масках с янтарными глазами — просто кивнули и открыли.

Внутри — стол чёрного камня. За ним — всё те же трое.

Генерал Крейг — в парадной, потный, бегающие глаза. Тип из «Вита-Генезис» — серый, без знаков, планшет. Легат Аврелий — без маски, глаза янтарь, будто слушает чип.

За нами дверь закрылась. Мы шестеро стоим, грязные с бетонки. Элариэль у стены — к ней сразу Цензор, как к вещи.

— Командор Гладиус К-7-99, — тихо сказал Аврелий, и воздух дрогнул. — Докладывай. Что на Эхо-7?

Я шагнул, выложил наш диск-маяк с красной лампой и чёрный камень с жилкой от столба.

— Прибыли по координатам «Чёрный», — коротко, как учили. — Сбиты древней ПВО Садовников, чаши без предупреждения. «Молот» потерян, посадка жёсткая, экипаж жив, разбросало.

Крейг кивнул, будто в плане:

— Потери?

— «Молот» безвозвратно. Экипаж без потерь. Эльф тоже с нами.

Тип из «Вита-Генезис» поднял глаза:

— Данные?

Я включил голограмму — карту и несколько снимков, которые сделал Тринадцатый: планета, часть архива, жилы и узел ПВО.

— Планета — мир Садовников, город-планетоид, тысячи лет мёртв. В центре узел ПВО, сердце чаш — мы отключили вдвоём, проход открыт. По архиву, глубоко в недрах — зародыш, матка Роя; её корни питаются планетой, вокруг — несколько ступеней охраны. Точного места мы не знаем. Обычными средствами её не уничтожить.

Аврелий не моргал:

— Подтверждение?

— Элариэль, — кивнул я. — Разведчик Доминиона, тоже сбита, её транспортник в котловане, двое мертвы, она одна, рана от когтя. Вместе вырубили узел, она слышит Эхо, как Садовники.

Элариэль шагнула, бледная:

— Подтверждаю. Эхо-7 — мир Садовников, зародыш Роя — всеобщая угроза, ПВО их же, мы отключили.

Крейг быстро заулыбался:

— Хорошо, командор, молодцы, к награде...

— Не «молодцы». — Я посмотрел ему в глаза. — Надо найти способ остановить матку, пока она не укрепилась ещё сильнее. Обычным оружием её не уничтожить. Если к планете подойдут силы Роя, ПВО их больше не остановит.

Тип записал: «Зародыш подтверждён. ПВО отключена. Рекомендация — найти способ остановить матку».

Аврелий долго смотрел, янтарь ярче:

— Ты снова слышал хор, клон?

Сжал блистер в кармане — две таблетки. Чип за ухом жёг; после удара Башни его требование молчать то давило, то сбивалось на помеху. Аврелий спрашивал перед всеми. Я смог ответить:

— Слышал. На узле. Хор Садовников. Вдвоём заткнули.

Аврелий чуть улыбнулся без тепла:

— Верю. Свободны пока. Разбирательство продолжим.

Разбирательство — это когда не слушают.

Нас развели по комнатам без окон. Допросы тянулись до третьего дня на Терра-Нова: одни и те же вопросы, короткий сон, снова вопросы.

Меня — к Цензору, лампа в лицо:

— Почему не доложил про хор на Ланнете?

— Доложил — сказал «шум».

— Почему взял эльфа?

— Без неё не вырубили бы узел.

Первого — отдельно, Форта — отдельно, Тринадцатого пугали, Призрака молча держали.

Каждый раз недоверие росло. Мы говорим одно — зародыш, ПВО, гномы, «Пять Корон», — а они: «Где доказательства? Где „Молот“? Почему эльф?»

Я понял — не хотят верить. Боятся.

Элариэль — отдельно. Не допрос, а камера. Видел в щель, как два Цензора ведут её: руки в магнитах, а она не сопротивляется, только посмотрела на меня.

— Куда вы её повели?! — крикнул я.

Не ответили.

Через час к Крейгу одному, без Аврелия. Он снял китель, потный, воду себе налил, мне — нет.

— Командор, ты молодец, правда, — усмехнулся. — Но эльфа мы задержали. Сам понимаешь, шпионаж, проникновение, контакт без допуска. Посидит, пока Доминион не запросит.

— Она здесь не шпионила. — Я шагнул вперёд. — Она разведчица, как я. Сбита там же. Мы вместе вырубили ПВО — без неё миссия была бы провалена. Требую отпустить. Летела по доброй воле.

Крейг уставился на меня, как на глупого:

— Выполняй приказы, солдат. — Встал, подошёл с запахом пота. — Ты клон, срок семь лет. Твоему взводу приказано молчать об Эхо-7 и забыть про эльфа. Один ты упёрся.

Сжал кулаки. Чип жёг, но после Ланнета давил рывками, не так, как прежде. Я удержался на ногах и ответил:

— Элариэль я не брошу. Я ей обещал — вместе до конца.

Крейг хмыкнул, кивнул Цензорам:

— На губу его, пока не остынет, а там, может, и утилизируем.

Дверь открылась — но не ко мне. За Цензорами — Авре-

лий.

Без свиты, один, плащ до пола, янтарь спокойный, но не холодный. Посмотрел на Крейга, потом на меня.

— Отставить, — тихо сказал он, и Цензоры замерли, будто выключили. — Отпустить командора. И эльфа.

Крейг побледнел:

— Легат, но шпионаж...

— Я сказал — отпустить, — перебил Аврелий ровно, и стол завибрировал. Подошёл, положил тяжёлую тёплую руку мне на плечо — не проверка, а поддержка. — Ты прав, командор. Без неё не было бы доклада. Без вас — данных.

Я смотрел — все думали, он холоден, а он оказался единственным, кто тут уважал клонов.

— Клоны отдают жизнь за Республику, которую не выбирали, — тихо сказал он Крейгу. — И я уважаю это больше ваших протоколов. Отпустить обоих. Приказ Ордена.

Крейг сглотнул:

— Выполнять...

Цензоры привели Элариэль без магнитов, бледную, целую. Увидела меня — выдохнула.

— Ты и взвод свободны, — сказал Аврелий, янтарь тёплый. — Эльф под твоей ответственностью, пока Доминион не запросит. Доклад принят. Зародыш проверим. О Рое и планете нужно рассказать Совету Доминиона. Но координаты, цель задания, снимки и сведения о планете остаются закрытыми для посторонних. Отдохните. Заслужили.

Я встал смирно, не для камеры:

— Принято, легат. Выполняю. И спасибо.

Он кивнул, пошёл к двери, но остановился, не оборачиваясь, бросил, не шевельнув плащом:

— Командор, задержись. Ты и твой союзник.

Крейг остался за столом, потный, но молчал, будто его и не было. Цензоры у стены статуями. Элариэль рядом, руки ещё дрожат от магнитов.

— Есть, легат, — сказал я.

Аврелий повернулся, янтарь спокойный:

— Второе дело — эльф.

Элариэль подняла голову:

— Легат.

— Тебя ищут, — сказал он ей на чистом эльфийском — знал язык. — Твои знают только, что ты пропала и не вышла на связь. О том, что твой корабль сбит, они не знают. Где именно тебя искать, тоже не знают. Курьер второй день прочёсывает сектор у маяка на границе пространства людей и эльфов. Ближе идти боится. Если вышлем с конвоем — подумают, что тебя сломали.

Посмотрел на меня:

— Поэтому приказ тебе, Гладиус. Доставить Элариэль к эльфам. Лично. Взвод, новый «Молот» — борт 100. Доведёшь до границы, передашь из рук в руки как союзницу, без Цензоров. Понял?

Кивнул, две таблетки в кармане, чип уже тихий:

— Принято, легат. Доставить лично.

Крейг дёрнулся:

— Клон и эльф на одном корабле через границу? Это...

— Приказ Ордена, — перебил Аврелий, и Крейг замолчал. — Если вы с Элариэль вдвоём вырубили узел Садовников, твой взвод сможет довести её до границы. Верно, командор?

Посмотрел на Элариэль — янтарь с вопросом: полетишь?

— Верно, легат, — сказал я. — Доставлю.

— Спасибо... Гладиус, — тихо она.

Аврелий кивнул:

— Вылет завтра с рассветом, Августа-Прим, без сопровождения. Взвод уже наверху — отпустили. Отдохните. И, командор... береги её. Она теперь твоя ответственность. Как ты просил.

Дверь закрылась без звука.

Крейг встал, буркнул:

— Приказ ясен, выполняй. — Он вышел, хлопнув дверью, как обычный генерал, которого поправили.

Мы остались вдвоём. Нам только что приказали лететь вместе к границе.

Элариэль чуть улыбнулась впервые с допроса:

— Значит, ещё один полёт вместе. Ты не против?

— Не против, — сказал я. — Доставим, как обещал.

За стеной ждали братья — отпущенные, с новым «Молотом» наверху.

Глава 16 Подготовка

Нас отпустили наверх — не в казарму, а в блок подготовки у ангара, где перед вылетом чистят броню и моют кости. После допросов Элариэль вернули её белую броню и карабин.

Блок был белым и жарким, пах паром и маслом. Вдоль стены — душевые кабинки с дверцами и матовыми перегородками, слева столы для оружия, справа вешалки для плащей. Над дверью: «ЧИСТОТА — ЗАЛОГ СЛУЖБЫ».

Мы вошли вместе. Элариэль по-прежнему была в серой одежде ксаров.

— Наконец, — выдохнул Форт, скинул чехол с РПД-6 — грохнуло. — Думал, в подвале оставят. Командир, первым в душ? Я с Эхо-7 грязный, как гном после запоя.

— Можно, — сказал я, снял шлем с кривым мечом — краска облезла, сам шлем в саже от Эхо-7.

Первый сел на скамью, отстегнул протез — стукнул об пол:

— Нога на чистку. — Он кинул её технику-клону с ключом. Тот молча взял — у клонов без слов.

Призрак молча разложил ВСД-13, начал чистить — затвор, ствол, каждый патрон протёр.

Тринадцатый снял нашивку юнги, аккуратно положил, потом комбез. Худой, рёбра торчат, но уже не дрожит:

— Командир, может, броню тоже почистить? Я могу и эль-

фу почистить, белую.

— Почистим, — сказал я.

Я занял одну душевую кабинку, скинул комбез — грязный, в пыли Эхо-7, в крови, в саже «Молота», кинул в бак у дверцы. Блистер с двумя таблетками положил на сухую полку снаружи: с прибытия на Терра-Нова не пью, хор тихий, его почти не слышно после Аврелия. Рядом закрылась дверца соседней кабинки — туда вошла Элариэль. Я встал под горячую воду. Пыль смывалась, шрам от чипа тянул.

— Гладиус, у тебя мыло есть? — спросила Элариэль из соседней кабинки.

— Есть. — Я протянул кусок через верх перегородки. Её ладонь появилась с другой стороны и забрала его. Клонское мыло пахло хвоей.

— Спасибо.

— Пользуйся. Только оставь мне немного.

И тут — хлопок в голове.

Короткая острая боль за ухом, запах озона, тишина — будто что-то оборвалось. И сразу хор взвыл в сто раз громче, не шёпот, а крик. Сотни голосов, моих и не моих, смешались так, что я не мог разобрать ни одного — будто дверь открылась.

— А... — Я схватился за стену, ноги подкосились, и я упал на колени.

— Командир! — Форт бросил РПД-6 и рванул ко мне. Первый — следом, на одной ноге. Призрак — тихо, но быст-

ро.

— Гладиус! — Элариэль распахнула дверцу соседней кабинки и босиком выскочила ко мне, на ходу запахнувшись в полотенце. — Что с тобой?

Меня вытащили на скамью — Форт под руки, Первый за плечи, вода капает, держусь за голову, чип горячий, шрам красный, больше внешне ничего не видно.

— Что с ним? Контузия? — трясёт меня Форт.

— Не знаю. — Первый щупает пульс. — Чип? Таблетки?

Никто из братьев не понял, что чип сгорел: они решили, что мне поплохело от пара и усталости.

Элариэль села рядом, без страха, положила холодные ладони на виски.

— Тише, — шепнула, глаза янтарь близко, тёплые. — Слушай меня, не их. Дыши со мной.

Я посмотрел на неё — и хор стал стихать. Не от таблетки, а от её голоса, от Эха, которое она слышит. Пальцы холодные, голоса один за другим замолкают. Её голос напомнил мне женский шёпот «...не надо...» с Ланнета, но кому он принадлежал, я по-прежнему не знал.

— Лучше? — тихо она.

— Лучше, — выдохнул я, дрожа. Уже шёпот за стеной, не крик.

— Что это? — прошептал Тринадцатый со шлемом в руках.

— Перегрелся, — буркнул Форт, дал полотенце. — Вода

горячая, устал.

Элариэль не сказала, что чип сгорел — поняла, но молчала, держала виски, пока не сел ровно.

Когда я смог встать, Элариэль помогла мне вернуться в мою кабинку, а сама ушла в соседнюю. Дверцы снова закрылись. Через перегородку я услышал, как она проверяет, держусь ли я на ногах.

— Держусь, — ответил я. — И мыло не потеряй.

— Не потеряю, — сказала она. Страх в её голосе ещё слышался, но теперь она хоть немного оттаяла.

Мы домывались каждый в своей кабинке — как взвод после возвращения. Через перегородки Форт орал глупую клонскую песню про Якорей, Первый молчал, Призрак даже в душе прислушивался, а Тринадцатый неподалёку тёр броню, как талисман.

После — чистка. Я разобрал ПЛ-1 — затвор, пружина, протёр, собрал — щёлкнуло. Броню протёр, нашивку поправил, шлем подкрасил белой краской криво, как раньше, но теперь как память.

Элариэль вышла в чистом белом комбезе Легиона без знаков, бинт сменён, рана розовая, волосы влажные до плеч, без брони — просто девушка с острыми ушами.

— Лучше? — спросил я.

— Лучше. — Она села рядом и принялась чистить свой белый карабин.

Форт хмыкнул:

— Эльф, а ты ничего в нашем комбезе.

Она чуть улыбнулась.

После — сон. Койки в три яруса, свет оставили тусклый над дверью.

Я лёг на нижнюю, блистер с двумя таблетками на полке — не пью, хор шёпотом. Рядом через проход — Элариэль на нижней. Напротив — Первый сопит, Форт храпит, как РПД-6, Призрак лежит тихо с открытыми глазами, Тринадцатый обнял шлем и улыбается во сне.

Другие вырубились быстро после Эхо-7 и допросов.

Мы — нет.

— Гладиус, — тихо сказала Элариэль и повернулась, белые волосы на подушке, янтарь в полумраке. — Завтра к моим. Боишься?

— Боюсь, — честно сказал я, не открывая глаз, но повернулся к ней. — Что не поверят, что скажут — шпион, что тебя снова в магниты. А ты?

— Тоже боюсь, — тихо сказала она. — После душа я поняла, что произошло. Твой чип сгорел. Я почувствовала: там пусто, где был шум.

Я потрогал шрам, вспомнил хлопок и запах озона. Только теперь понял, что она имеет в виду:

— Значит, сгорел. А хор — будто дверь открылась. Думал, сдохну. Если бы не ты...

— Тише. — Она протянула руку — холодная ладонь легла на мою между койками. — Я слышу Эхо с детства. Меня

учили различать один голос среди остальных. Без чипа ты свободен, но без обучения хор будет звучать слишком громко. Я помогу, пока не привыкнешь.

Я сжал её руку — грубо, клоновьи пальцы, её тонкие.

— Спасибо.

Она не убрала, смотрела янтарём:

— Ты спас меня, не бросил на Эхо-7, хотя мог. Многие бы бросили. На Терра-Нова взял за меня ответственность. Так ответь же, почему?

— Сначала надо было выжить. Потом я дал тебе слово — вместе до конца. — Я сжал её ладонь. Мне не хотелось её отпускать, и я не понимал, почему это стало так важно.

Она кивнула, перегнулась через узкий проход — близко, комбез на вороте расстёгнут, ключица, бинт. Первый сопит, Форт храпит, Призрак деликатно отвернулся.

— Другие спят, — шепнула, глядя на них. — Никто не видит.

— Элариэль...

Перегнулась ближе — дыхание тёплое, пахнет хвоей от мыла.

— Ты свободен теперь, без чипа, — тихо сказала Элариэль. — Хочешь — уходи. Хочешь — останься.

Я промолчал. Протянул руку и коснулся её щеки.

Она закрыла глаза, прижалась к ладони, сама потянулась и коснулась губами — легко, через край койки, будто боится, что оттолкну.

Я смутился и на миг замер, чувствуя, как горят щёки. Потом осторожно ответил ей.

Тихий поцелуй в полумраке, где капает вода, блестит броня, за стеной новый «Молот» ждёт рассвета. Первый и Тринадцатый спят, Призрак отвернулся, Форт храпит, прикрывая.

Мы отодвинулись, лбы почти вместе.

— Это... — прошептала она, всё ещё улыбаясь.

— Я... рад, что ты рядом, — сказал я.

Она легла обратно, но руку не отпустила — так и уснули, держась через проход, пока лампа горела, а завтра нас ждал вылет к границе.

Рассвет по сирене, как в казарме.

Форт вскочил первым:

— Подъём, Якоря! На границу, эльфа провожаем!

Мы встали быстро, как учили. Техник вернул Первому вычищенный протез, и тот закрепил его. Свою чёрную броню с красными деталями мы почистили сами; теперь надевали её и плащи. Элариэль надевала свою отдельно.

Её броня белая, с тремя лучами, почищенная, без крови, отполированная. Бинт под одеждой у неё был свежий. Броню чистил Тринадцатый, аккуратно, будто боялся поцарапать.

Элариэль коснулась — холодная, своя.

— Поможешь? — тихо попросила она, показывая на застёжки на спине, до которых не доставала.

— Помогу.

Застегнул — пластины легли как влитые, шлем у неё под мышкой, волосы она собрала, бинта не видно. Снова разведчик Доминиона, но глаза те же, тёплые.

— Спасибо, — шепнула.

Мы тоже были готовы к вылету: у Призрака был шлем, Тринадцатый подкрасил метку.

Дверь открылась — вошёл тот, кто дал приказ.

Легат Аврелий. Без маски, без свиты, один, плащ до пола, глаза — спокойный янтарь.

— Готовы, командор? — Он посмотрел на нас. Элариэль стояла рядом с братьями, уже не чужая.

— Готовы, легат. — Я встал смирно, Элариэль приложила руку к груди по-эльфийски.

Аврелий подошёл, кивнул на её броню:

— Чисто. Как должно быть. — На меня: — Корабль ждёт — новый «Молот», борт 100. Доведёшь до границы, передашь Элариэль их курьеру как союзницу, без Цензоров. Понял?

— Понял тебя, легат.

— Береги её, — тихо сказал он только нам. — И вернись. Ты ещё нужен Республике.

— Вернусь, — кивнул я.

Он наклонился к уху, чтобы другие не слышали, запах старый, как книги, шёпот:

— Гладиус, вы с Элариэль выбрались, потому что помогали друг другу. Если она вернётся к своим и расскажет об

этом, её могут услышать даже те, кто не поверит моему письму. Может, тогда они хотя бы выслушают моё предложение о мире. Я хочу, чтобы в следующем бою с Роем люди и эльфы стояли рядом, а не каждый на своей стороне границы.

Посмотрел янтарём тяжело — не как Цензор, а как тот, который верил в наш успех.

— Понял тебя, легат. Доведу.

Аврелий достал из-под плаща дата-кристалл белый с тремя лучами и янтарной печатью — светится изнутри.

— Письмо. — Он заговорил громче, для всех, и дал мне кристалл. — Мандат парламентёра. Моя печать, приказ и предложение мира. Покажешь кристалл их командованию — поверят, что ты посланник. Без него не пустят.

Взял — холодный, тяжёлый, как жетон, вязь эльфийская и наша вместе, чего двадцать лет не было.

— Принято, легат. — Я сунул кристалл в нагрудный карман к блистеру. Хор звучал тихо.

Аврелий посмотрел на нас, на Форта с пулемётом, на Тринадцатого с меткой — и впервые улыбнулся с уважением:

— Удачи, Якоря. — Он отступил к ангару, где гудел новый «Молот», готовый к полёту к эльфам.

Вода капает, броня блестит, оружие чистое — мы готовы.

Глава 17 Путь в новый мир

Новый «Молот» — борт 100 — пах свежей краской и маслом, не пылью Эхо-7. Тот же ДШК-7, низкая канонерка — на планетах борта открыты, плащи хлопают, в космосе борта закрывает поле и удерживает воздух. Четыре шаровые турели, репульсоры, с кулаком Согласия на борту. Меч на шлеме я подкрасил перед вылетом.

— Ну что, старушка, — хлопнул Форт по борту, — полетаем?

Первый уже на втором кресле, протез блестит. Он ткнул в навигатор — координаты маяка на границе, у которого эльфийский курьер искал Элариэль, уже ввёл Аврелий:

— Есть. Кольцо работает, прыжок в кротовую нору через три минуты.

Я за штурвалом, ПЛ-1 на бедре, блистер с двумя таблетками в кармане — не пью, чип сгорел, хор тих — Элариэль научила. В отсеке — остальные братья. Элариэль в чистой белой броне рядом с Первым смотрит на Терра-Нова внизу — голубая, уходит.

— Готовы? — крикнул я в отсек.

— Готовы! — отозвались Форт и Тринадцатый. Призрак кивнул.

— Готова, — тихо Элариэль.

— Прыжок, — сказал я и толкнул рычаг. Кольцо, к кото-

рому пристыковался «Молот», загудело. По ободу пробежал разряд, пространство впереди лопнуло синей дырой, и мы нырнули в неё вместе с кольцом — как на Эхо-7, только теперь не в тайну, а к миру.

Внутри дыры нас окутало тёмно-синее свечение. Впереди открылось выходное окно, и мы вынырнули. Дыра схлопнулась за кормой.

Путь до границы — не один прыжок, а целый каскад: от системы к системе, мимо наших миров. На всё ушло почти шесть суток. Мы по очереди спали, следили за полем и берегли воду. Теперь мы дрейфовали в поле обломков недалеко от Эриды-3, где люди и эльфы два года резали друг друга. Среди остовов я разглядел развороченный десантный корабль: из его нутра высыпались тяжёлые гусеничные «Голиафы». Обломки давно занесло в пустоту. Поле тянулось до самой границы — удобное место для тех, кому негде сесть.

— Тихо, — сказал Первый, глядя на сканер. — До границы час.

Форт уже травил байку Тринадцатому:

— А вот на Мартеле я...

Тринадцатый слушал, Элариэль смотрела в стекло на звёзды.

И тут писк сканера.

— Контакт, — тихо сказал Призрак: он первым увидел, как три точки вынырнули из-за остова «Голиафа», без сигнала, без опознавания.

— Пираты, — выдохнула Элариэль. — Лёгкие рейдеры, как у Пояса, самоделки с шипами.

— Идут на перехват! — крикнул Первый, протез к педали.

Я рванул штурвал — поздно. Ржавый рейдер с пушкой на носу вспыхнул, трассер над кабиной, искры по борту.

— Обстрел! — заорал Форт, к шаровой турели — борта «Молота» в космосе закрыты полем, держит воздух. — Командир, разреши!

— Огонь из турелей! — крикнул я, бросил «Молот» вбок.

Форт крутанул верхнюю — 30-мм спарка загрохотала куда мощнее РПД-6, трассеры в вакууме — попал, броня рейдера треснула, куски веером, рейдер вильнул.

Второй зашёл сверху, пустил ракету — дымный след без звука.

— Ракета! — крикнул Первый. — Уводи!

Рванул в сторону, ракета в метре прошла, взорвалась об остов «Голиафа» — вспышка и обломки веером.

Призрак на нижней спокойно довёл, 30-мм — бах-бах — снял стрелка второго рейдера вместе с рубкой. Тот закрутился, потом боезапас вспыхнул и корпус разорвало.

Элариэль крикнула:

— В двигатель — там репульсор!

Кивнул — направил «Молот» на третьего, две занятые турели — Форта и Призрака — сошлись, дали залп в двигатель — вспышка, а за ней взрыв. От рейдера остались обломки.

— Готов! — крикнул Первый.

Первый ржавый пытался уйти:

— Уходит! — Форт довёл верхней — длинная очередь догнала, рейдер вспыхнул и разбился об остов.

Тишина. Репульсоры гудят, гильзы дымятся.

— Ну что, пираты? — потный Форт улыбается. — Это вам не караван грабить!

Выровнял «Молот», сканер показывал: обломки трёх рейдеров; ни живых отметок, ни спасательных капсул.

— Целы? — крикнул я.

— Цел! — Форт, Первый, Призрак, Тринадцатый бледный, но жив.

— Цела, — тихо Элариэль, глаза блестят — не страх, а азарт, как на узле.

Дальше — граница. Условная точка, где кончается Республика и начинается пространство эльфов — старый эльфийский маяк для курьеров.

У маяка медленно двигалась игла курьера — маленькое посыльное судно без оружия, только для писем, тонкое и белое, как клинок. Как сказал Аврелий, экипаж искал Элариэль. На борту — три луча, как на её транспортнике. Игла целая, тихо светится.

— Она, — выдохнула Элариэль, встала, янтарь ярче. — Моя. «Светлая».

Повёл «Молот» ближе медленно, турели опущены, поле держит воздух, Форт на сошках, но не целит.

— Вижу, — сказал Первый. — Один курьер без сопровождения, как и мы.

— Давай сигнал, — кивнул я Элариэль.

Она достала свой маяк — белый цилиндр с тремя лучами, снятый с разбитого транспортника в котловане, с тех пор в кармане — приложила к панели «Молота», жилка вспыхнула, тонкий хор-сигнал пошёл.

Игла ответила — вспыхнула, повернулась, мостик открыт, готовы принять.

Мы шли — сто метров, уже видно лица эльфов на мостике.

И тут пространство за ними лопнуло в пустоте, не у планеты.

Не синей дырой кольца, а чёрной рваной раной без звука — как Башня на Ланнете, когда открывалась. Рой рвёт межзвёздную пустоту, где нет гравитации. Из неё — они.

Сначала одна Башня-корабль, чёрная, ребристая, как на Ланнете, километр длиной, росла прямо из дыры, потом вторая, третья поменьше, с хитином, лапами, жвалами, только в космосе. Не летели — росли, пульсировали. На нашей панели вспыхнул сигнал курьера: предупреждение о Рое и вызов помощи. Успел ли он дойти до дозора, я не знал. Потом от Башни ударил луч — без запроса — в иглу.

— Нет! — крикнула Элариэль.

Белый с чёрным внутри луч прошил курьер насквозь, игла треснула, как стекло, свет погас, обломки веером, просто

пыль, как на Эхо-7.

Второй луч — рядом, ищет нас.

— Уход! — заорал я, рванул штурвал, «Молот» крутанулся, луч в метре — краска вспыхнула.

Рой рос, Башни открывались, выпуская мелких, как осы, тварей. Они рывками неслись в пустоте, выбрасывая из тел белёсые струи газа, похожие на пар.

— Их сотни! — крикнул Первый.

Форт уже бил — очередь в пустоту, далеко — бесполезно.

— Что делать, командир?! — вцепился Тринадцатый.

Элариэль, бледная, смотрела на обломки своего курьера.

Рванул не к Терра-Нова, а в сторону, в дыру между обломками Эриды-3, где пираты прятались — узко, но пройдём.

— Держитесь! — крикнул я, низкая юркая канонерка проскочила, репульсоры скрежетнули об остов, но мы прошли.

Позади игла догорала, Рой рос, не гнался — цель граница, не мы.

Вырвались — пустота, звёзды, тишина, только репульсоры шипят, как после ПВО на Эхо-7.

— Ушли, — выдохнул Первый. Чудом.

Посмотрел на Элариэль — сидит, руки на коленях, глаза пустые, курьер уничтожен, надежда на мир в её глазах угасала.

— Гладиус, куда теперь? — тихо она. — Терра-Нова далеко, а они...

Я включил на «Молоте» связь через ретранслятор и от-

крыл канал Аврелия:

— Легат Аврелий, это Гладиус. Граница, курьер эльфов уничтожен Роем, Башни, курьер потерян, мы живы, чудом ушли. Рой уже у границы, не на Эхо-7, а здесь.

Шипение, щелчок, голос Аврелия тихо, будто ждал:

— ...слышу, Гладиус...

Перебил, глядя на Элариэль:

— Я сам доведу эльфа до столицы, легат. Не как пленницу — как союзницу. Ваше письмо со мной. Я помню, что вы мне шепнули о мире и общем фронте. Сделаю всё, чтобы нас выслушали.

Тишина, потом тихо:

— ...принято, командор... береги её... ждём...

Связь оборвалась.

Посмотрел на Элариэль — слёзы высохли, янтарь твёрдый:

— Веди, Гладиус. В столицу. Через наш мир.

Форт поправил РПД-6:

— В другой мир, значит? Пошли, командир, пока не догнал.

Кольцо по-прежнему было с нами. Мы могли прыгнуть снова, но за границей у нас не было проверенного маршрута. Прыжок вслепую мог выбросить нас прямо в звезду или в скопление астероидов. Оставались эльфийские пути. Элариэль могла открыть один из них своим маяком. А примут ли нас за союзников — мы ещё не знали.

Мы пошли к столице эльфов на «Молоте», с письмом Аврелия на борту.

Глава 18 Орбита

Эльфийские врата — не как наше кольцо.

Наше — синяя дыра с разрядом, грохот, тряска. Их — тишина. Элариэль приложила маяк со старого корабля к панели «Молота», цилиндр с тремя лучами вспыхнул белым, не синим, пространство впереди не лопнуло, а раскрылось, как веки — мягко, без звука, за ним — свет, как у узла.

— Держитесь, — шепнула она, — это пути, не прыжок. Они ведут, не рвут.

— Наши маяки — как станции на дороге, — добавила она. — Этот откроет нам доступ к пути. Другой прибор вашему «Молоту» не нужен, но выход надо выбрать правильно, иначе окажемся не там.

Я толкнул рычаг — поле на бортах дрогнуло, репульсоры шепнули, и мы нырнули вместе с кольцом. Для движения по Пути кольцо не использовали — дорогу открыл маяк.

Пути — это не пустота. Это — коридор из света, где нет звёзд, только стены из белого тумана, как в храме Аврелия, и тихий гул, как от Эха. Мы шли по нему — не мы вели, а нас вели, репульсоры почти не нужны, только держать курс, как на Ланнете в грязи, когда ведёт знамя.

— Долго? — спросил Форт, вцепившись в турель, хоть поле держит.

— Недолго, — сказала Элариэль, и янтарь её глаз засве-

тился от путей, как от узла. — Это старая дорога к столице, но я не уверена, где мы выйдем. Без курьера придётся уточнить маршрут.

— Выкинет — разберёмся, — сказал Первый, протез — к педали, но не жмёт, ведёт само.

Свет стал ярче — и нас выкинуло.

Мы вывалились — не в столицу, а на орбиту.

Планета внизу — неизвестная, не Терра-Нова, не Эхо-7, не из атласа Легиона. Большая, зелёная, с синими океанами, с двумя лунами, как у Эриды-3 на старых картах, но живая, с огнями городов на ночной стороне — редкими, как маяки. Орбита — чистая, без станций Союза Пяти, без посторонних прыжковых колец, только старые эльфийские бакены — белые иглы, как курьер, висят, мигают.

— Где мы? — спросил Тринадцатый, прижал лоб к полю.

— Не столица, — сказала Элариэль тихо, узнала не сразу. — Это Приют. Промежуточная. До столицы — ещё пара переходов, но надо уточнить маршрут. Остановимся у поста внизу: там знают карту путей.

Я посмотрел на сканер — чисто, только планета и бакены.

— Предлагаешь сесть? — спросил я.

— Да, — кивнула она. — Пост внизу, маленький, наш. Спросим, отдохнём, поле подпитаем.

Первый кивнул:

— Поле после путей — тридцать процентов.

Я кивнул и начал снижение — поле держит воздух, турели

опущены.

— Не успели.

Пространство над нами мигнуло — шесть вымпелов вышли из маскировки. Не пост внизу, а флот наверху — шесть боевых игл с тремя лучами на носу, висят над орбитой Приюта. Мы вывалились из путей прямо в их строй.

Сканер Первого пискнул — шесть точек, сразу в замок. Элариэль быстро назвала корабли:

— Дозор Приюта. Флагман — «Рассветный Лист». С ним два авианосца — «Тихий Прибой» и «Серебряный Ветер». И три корвета — «Игла», «Шип», «Заря». У флагмана сто двадцать «Лезвий».

Я разглядывал вымпелы, пока она говорила. Впервые видел их так близко.

«Рассветный Лист» — огромный, белый, весь в глубоких продольных рёбрах, как у листа. Между ними светилась золотая вязь, к носу корпус сходился в остриё; там, в обрамлении кристаллов, чернело главное орудие. По бортам — поворотные башни, ряды шахт и множество тонких зенитных игл. На корме мерцало поле.

Два авианосца — «Тихий Прибой» и «Серебряный Ветер» — шире флагмана, с плавным изгибом по центру. Длинные створки на белых бортах напоминали жабры, их золотая окантовка ловила свет. Рельеф — волны, как от ветра по воде; вязь тоньше, свет мягче.

Три корвета — «Игла», «Шип», «Заря» — белые, как

цельные кристаллы. Острые грани отражали свет, на носу — три тонких луча-антенны, вдоль бортов — низкие башни с турелями. Корма узкая, сопла скрыты под плитами; вокруг расходилась паутина поля.

— Дозор наготове, — выдохнула Элариэль. — Должно быть, они получили последние донесения о Рое и сигнал помощи от курьера, прежде чем связь оборвалась.

Мы не успели ответить — пространство вокруг «Молота» вспыхнуло сеткой — эльфийское поле, не наше, тонкое, как паутина, но держит, репульсоры взвыли, нас остановило, как будто в стену.

Голос — не по рации, а прямо у меня в голове, через Эхо, с флагмана «Рассветный Лист», с акцентом, как у Элариэль, но мужской, холодный:

— Корабль людей. Остановиться. На досмотр. Немедленно. Вы в пространстве Доминиона без допуска.

Форт кинулся к турели — я рявкнул:

— Отставить! Не трогать!

Элариэль подключила свой маяк — маленький белый цилиндр с тремя лучами — к связи «Молота» и повернула его к стеклу, чтобы его видели. Потом прикрыла глаза, направляя слова через Эхо на флагман:

— Говорит Элариэль, разведчик, пост Эхо-7, — крикнула она на своём, потом на нашем, чтобы мы поняли, — со мной — командор Гладиус, 31-й Легион, союзники, Рой уничтожил курьер у границы, мы — с письмом, идём к столице! Не

стреляйте!

Пауза, поле держит, шесть вымпелов — не стреляют, но и не отпускают. Потом — голос снова, уже тише, но твёрдо:

— Элариэль? Подтвердите маяк. Корабль людей — на досмотр. Оружие опустить. Поле откроете после стыковки. Сопротивление — уничтожим.

Я посмотрел на Элариэль — она кивнула, бледная, но твёрдо:

— Надо подчиниться. Они не поверят, пока не увидят. Это наши — порядок такой.

Я кивнул Первому — поле на бортах оставили, оно держало воздух. Турели опустили, Форт — нехотя, но опустил, РПД-6 — в чехле.

— Принимаем, — сказал я в рацию на их частоте, через маяк Элариэль — надеюсь, слышат. — Корабль Республики, борт 100, командор Гладиус. Оружие опущено, готовы к досмотру. Мы — союзники.

Поле эльфов вспыхнуло ярче — и к нам подошёл катер — маленький, белый, как клинок, с тремя эльфами в броне, как у Элариэль, но с синими плащами. Досмотровая группа оставалась на борту; карабины опущены.

— Стоять, — сказал по связи старший, высокий, со шрамом через ухо. С катера он изучал нас, потом перевёл взгляд на Элариэль. — Вы — люди. Что вы здесь делаете, где ваша граница? Почему с ней?

Элариэль шагнула к борту, чтобы старший её видел:

— Они спасли меня на Эхо-7, вырубили ПВО Садовников, Рой — уже у границы, мы — с письмом к столице, от Легата Аврелия, шанс на мир, один фронт.

Старший посмотрел на меня — на ПЛ-1 на бедре, на шлем с мечом. О двух таблетках в моём кармане и сгоревшем чипе он не мог знать наверняка, но будто чувствовал: перед ним свободный клон.

— Досмотр, — сказал он, — потом — решим. Корабль — на буксир, к корвету «Игла». Сопротивление — не надо.

Я кивнул:

— Принято. На досмотр.

Поле с корвета «Игла» мягко потянуло «Молот» вместе с кольцом к белому борту. Катер досмотровой группы шёл рядом и первым пристыковался к корвету.

Глава 19 Карцер

Досмотр обернулся конвоем.

Поле корвета «Игла» мягко подвело «Молот» к его борту. Вокруг нашего борта сомкнулся герметичный переход; только тогда Первый снял поле, державшее воздух. Белый круг шлюза открылся без швов. В проёме появились старший в синем плаще, дознаватели в белых плащах и вооружённые конвойные.

— Клонов — под стражу, — сказал один из дознавателей на нашем языке, слишком чисто, будто выучил ради таких встреч. — Эльфа — на «Рассветный Лист», к командиру. Разделить.

Элариэль шагнула вперёд:

— Нет. Они со мной. Требую связи с адмиралом.

— Порядок, — перебил дознаватель без грубости, но и без колебаний. — Клонов — в карцер до проверки. Эльф тоже пройдёт проверку на флагмане. Насчёт связи с адмиралом решит командование.

Я кивнул ей — коротко, чтобы не спорила. Если сейчас упрёмся, шесть вымпелов превратят «Молот» в пыль вместе с письмом Аврелия.

— Идём, — сказал я своим. — Оружие оставить. Без сопротивления.

Я снял ПЛ-1 с бедра и положил на палубу. Первый пошёл

первым — снял ВСД-13, аккуратно положил на палубу, протез глухо стукнул о металл. Призрак — молча, Тринадцатый — едва держа карабин.

Форт — не пошёл.

— Что значит — под стражу? — Он шагнул на эльфа грудью. — Мы везём письмо от нашего легата Аврелия, а вы нас — в карцер?

Я попытался показать дата-кристалл, но дознаватели даже не стали его смотреть.

Форт свалил двоих одним движением — плечом и локтем, как отбрасывал тварей на Ланнете.

— Форт! — крикнул Первый.

Конвой вскинул карабины, поле вокруг «Молота» натянулось сеткой, воздух зазвенел.

— Форт, отставить! — рявкнул я. — Приказ. Смирно, солдат.

Он замер со сжатыми кулаками, дыша тяжело, глядя на меня — на лицо командора, такое же, как у него. Мой чип уже не работал, но Форт ждал, что я скажу дальше.

— Командир...

— Идём в карцер, — сказал я тихо. — Ты понял?

— Принято, командор... — выдохнул он и разжал ладони.

Старший окинул меня взглядом — без благодарности, но с уважением. Дознаватель кивнул конвою: вести.

Нас разделили. Дознаватели с конвоем увели нас в блок карцеров. Каждому — свой карцер: белая коробка без окон,

вместо двери — поле, свет льётся отовсюду, койки нет, только холодный пол. Меня — в первый, Первого — за стеной, Форта — дальше, Тринадцатого и Призрака — по коридору. Элариэль увели на катер к линкору — оглянулась, я кивнул ей: держись. Почти двое суток мы провели под стражей; день и ночь в белом свете различить было трудно.

Первым взяли Призрака.

Я слышал щелчок поля — открыли его камеру. Призрак молчалив, и потому из-за стены не доносилось ни крика, ни слова — только ровный гул прибора и приглушённые шаги. Минут через десять его приволокли обратно — двое эльфов тащили под руки, бросили на пол, как вещь. Через щель поля я увидел: лицо в крови из носа, на лбу — красные точки от обруча, руки дрожат, но губ не разжал. Прибор, похоже, выжал из него всё, а звука так и не добился.

Потом — Тринадцатый.

Он видел, как протащили Призрака, и понял, что будет. Когда за ним пришли, закричал ещё до кресла:

— Не надо! Прошу, не надо к стулу! Я всё скажу!

Я не видел его камеры — только слышал. Щелчок поля, шипение кристалла — и тонкий, детский крик самого молодого из нас, который ещё недавно сам наносил метку на шлем.

— Командир! Больно! Не надо! — неслось эхом по коридору сквозь поля.

Я бил ладонью в своё поле — без толку.

— Отпустите его! Я — командор, допрашивайте меня! — кричал я в стену, но ответа не было. Для них мы уже были шпионами, и жалости я там не почувствовал.

Через минуту крики смолкли. Когда Тринадцатого тащили обратно по коридору, я увидел на его лбу такие же красные точки, как у Призрака. Его бросили в камеру — всхлипы слышны были даже через поле.

За мной пришли ближе к концу вторых суток.

Меня вели недолго — комната дознания была рядом. Я сразу увидел следы на полу: тёмные потёки, въевшиеся в рельеф белого кристалла, у кресла — бурые пятна, на самом обруче — засохшая кровь прежних. Здесь ломали не нас первых.

Двое дознавателей ждали у кресла-фиксатора. Белые плащи, янтарь в глазах холоднее, чем у цензоров.

— Командор Гладиус К-7-99, — произнёс один, и в его голосе не было ни злости, ни крика — только ровное презрение, будто слово «командор» к клону не применимо. — Шпионская группа. Копии одного генома.

Меня пристегнули: запястья, лодыжки, грудь, на лоб — обруч. Иглы коснулись кожи, но не вошли — кристалл над головой горел красным, ждал команды.

— Шпионы отвечают через прибор, — сказал второй, — но сначала — приговор, чтобы понимал. По закону Доминиона группа без флага, пересёкшая границу, — шпионы. Наказание — смерть. Клоны — расходный материал Республи-

ки, вас растят на убой. На что ты рассчитывал, ведя их сюда? Что вас пожалеют?

Слова падали ровно, без повышения голоса — «расходный материал», «копии одного генома», «наказание — смерть» — и от них внутри что-то сорвалось. Не от игл — они ещё не вошли, — а от самого звука, от мысли о Первом с протезом, о Форте, о Тринадцатом, который только что кричал, о Призраке, который молчал.

Иглы ещё не вошли — а прибор задрожал сам. Я увидел это отчётливо: кристалл с тремя лучами затрясся, красный свет замигал, обруч начал сжиматься, вдавливая виски, хотя команды не было. Я не понял, что это: решил, что так идёт прогрев. Но дрожь шла не от кристалла, а будто от меня.

И сразу — видения, как у столба на Эхо-7, только ярче: кровь на полу карцера смешалась с кровью Ланнета, где легли почти все из пятисот, с грязью окопов Эриды-3, где два года люди и эльфы резались в одной траншее, с тёмными силуэтами Башен, растущих из земли, с лицами братьев — одно лицо на всех, застывшее. Я был в центре, как тогда у узла с Элариэль, только один.

— Что с его глазами?.. — выдохнул один из дознавателей и отшатнулся. — Они чёрные. Даже белки.

Хлопок — тихий, как отдача Эха, ещё до того, как иглы вошли. Оба эльфа схватились за виски, янтарь погас, колени подкосились, и они рухнули на пол, как падали офицеры-пилоты от волны Башни на Ланнете. Обруч щёлкнул, ремни

ослабли, иглы так и не вошли — прибор треснул посреди лба, красный свет погас, поле карцера замигало.

Я не понял, что случилось — видел лишь, что кристалл задрожал, сжался и лопнул, а они отрубились.

А потом — темнота. Мягкая, без удара — я просто выключился, голова упала на грудь, обруч ещё на лбу, но уже не давил. На полу — двое в отключке, в треснутом кристалле — тишина, в поле — перебои.

И — сон, непохожий на видения от прибора.

Я был не в карцере. Смотрел сверху — на то же поле Ланнета, только шире: тысячи тел внизу, люди, эльфы, клоны — все в одной грязи, а над ними поднимаются Башни Роя, и они слушают. Я поднимаю руку — и Рой поднимает лапы в такт. Я шепчу — и хор шепчет со мной, не против меня, а вместе. Я веду их — не приказом чипа, как Аврелий, а тягой Эха, как тогда на узле вдвоём с Элариэль, только теперь один.

— Веди, — говорит кто-то моим голосом, но не я, и Рой идёт, куда веду.

Кровь на моих руках — не только моя.

И — обрыв. Тихий женский шёпот, как тогда сквозь воду на Ланнете:

«...не надо...»

Где-то далеко за полем уже бежали шаги — к карцеру, где всё в отключке, приборы сломаны, а я — без сознания, не зная, что это было.

Глава 20 Пробуждение

Проснулся я не в карцере.

Свет — белый, мягкий, не тот, что резал в дознавательной, а рассеянный, как в лазарете на Терра-Нова, только чище. Пахло травой и чистым бельём, не пылью и кровью. Я лежал в постели — настоящей, с белой простынёй, а не на полу карцера. На мне — белые одеяния эльфов, лёгкие, без швов, в какие переодевают в лазарете — мою грязную форму сняли медики, пока был без сознания. Сел на краю кровати, босые ноги на тёплом полу, комната — белая, без углов, свет льётся от стен.

Я ничего не понял. Потрогал лоб — обруча нет, только лёгкий след, где он давил. На тумбе лежали ПЛ-1 и мой сложенный комбез — их вернули, пока я был без сознания. Хор звучит тихо, как учила Элариэль после душа, даже после того, что было в карцере, не рвётся.

Дверь открылась — мягче, чем поле карцера, — и вбежала она.

Элариэль — в чистой белой форме, без брони, волосы распущены, бинт на боку — новый, глаза янтарь. Бежит, не идет, прямо ко мне, обнимает крепко, будто боялась, что не проснусь.

— Гладиус! — выдохнула она, холодные ладони на моих щеках. — Ты очнулся.

— Что с братьями? — хрипло спросил я, как после Ланнета. — Где они?

Она села рядом на кровать, не отпуская:

— Призрак с Тринадцатым — в лазарете, — сказала быстро, чтобы не волновался. — После прибора у Призрака кровь из носа долго не останавливалась — молчал, но прибор выжал его сильно, врачи оставили под наблюдением. Тринадцатый — рядом с ним, на соседней койке, тоже под наблюдением, но уже улыбается, держит Призрака за руку, не отходит. Жить будут, врачи говорят — истощение, не раны.

— А остальные?

— За дверью, — кивнула она. За дверью тихо, но я слышал — скрип протеза Первого, сопение Форта. — С тех пор как вас перевели сюда, Первый и Форт не смыкают глаз. Стоят у палаты, не пускают даже охрану. Сказали — без командора не уйдут. Их тоже осмотрели, но они отказались ложиться, пока ты не проснёшься.

Я выдохнул — пятеро, все живы.

— Что было после отключки? — Я тронул лоб. — Прибор... они упали...

Она кивнула, серьёзнее:

— Меня тоже подозревали и проверяли на «Рассветном Листе». Я добивалась связи с адмиралом: через него могла быстрее всего помочь вам, — рассказывала она. — Я была у командующего, когда пришёл сигнал тревоги с «Иглы»: в блоке дознания сработали датчики и начало сбоить поле. Ко-

мандующий пошёл сам, я с ним — а там ты в кресле без сознания, дознаватели на полу в отключке, кристаллы треснули, поле мигает. Он увидел кровь на полу, твой треснутый обруч, твоих братьев по камерам — и понял, что дознаватели взяли вас без приказа флагмана, как шпионов. Двоих, что тебя допрашивали, арестовали сразу — под стражу до разбирательства, остальных отстранили. Потом я добилась связи с адмиралом и рассказала, зачем мы прилетели.

— А нас?

— Вас подняли на «Рассветный Лист» в лазарет, как гостей, не как шпионов. Форму сняли, переодели в белое, как положено у нас для раненых. Письмо Аврелия — вот. — Она показала на тумбочку, где лежал мой дата-кристалл с янтарной печатью, целый, и рядом — блистер с двумя таблетками, который изъяли в карцере и вернули нетронутым. — Приняли. Сказали — парламентёры, не шпионы. Тебя — в отдельную палату, как офицера. Я попросилась дежурить, пока не проснёшься. Меня тоже осмотрели: на флагмане лекарь лечил мой бок Эхом. Болит уже слабее, но рана ещё не зажила; лечение займёт время.

Я посмотрел на дверь — там ждали, не спав.

— Скажи им — я проснулся, — тихо сказал я. — Пусть зайдут.

Элариэль улыбнулась — как тогда в душе, когда держала мои виски, — встала и открыла дверь.

Первым — Форт, громыхая, как «Голиаф», хотя без бро-

ни, в таком же белом, как я, — влетел, чуть не снёс косяк, с расспросами, не давая ответить:

— Командир! Ты живой! Ты как? Голова? Точки болят? Тебя били? Кто бил? Я им сейчас... — Он уже сжимал кулаки, ища дознавателей за дверью. — Я им...

— Форт, — сказал я, и он замер, — жив. Точки — уже нет. Не били — прибор сам.

За ним — Первый, протез стукнул о порог, вошёл спокойнее, но глаза блестели, сел на край кровати, положил тяжёлую ладонь на моё плечо:

— Командор... мы тебя здесь ждали... думали — не проснёшься после того, как они тебя... Тринадцатый с Призраком в лазарете рядом — я только от них, Тринадцатый держит Призрака, не отпускает.

Через открытую дверь я увидел Тринадцатого и Призрака: дальше по коридору их везли на каталках санитары-эльфы. Тринадцатый махал рукой, бледный, но улыбался; Призрак молча кивнул, даже с бинтом на лбу.

— Все? — выдохнул я. — Все пятеро?

— Все пятеро, — сказал Первый твёрдо. — Пятеро из пятисот, как на Ланнете. Никто не лёг.

Форт снова влез, не давая закончить:

— А эльфы что? Арестовали тех? А письмо? А домой? А когда летим? А тебе чего дали? А...

— Форт, — перебила Элариэль, смеясь, — дай ему ответить.

Форт замолчал, но ненадолго — сел на пол у кровати и смотрел, не отрываясь.

В дверь постучали — чётко, по-уставному. Вошёл эльф в офицерской форме — белый китель с золотой вязью, три луча на воротнике, планшет в руке. Он коротко представился: лейтенант Илар Тейр. Затем вытянулся перед Элариэль, приложил ладонь к груди, как на параде:

— Полковник Элариэль Вейр-Таэл, — отчеканил он на эльфийском, потом на нашем, для нас, — по вашему статусу — доклад. Адмирал вызывает парламентёра Республики к себе. И вас.

Я посмотрел на Элариэль — полковник? Она никогда не говорила звания, только «разведчик». Она кивнула чуть виновато, будто забыла сказать.

Форт тут же вскочил с пола, набычился на офицера:

— А ты кто такой, чтобы полковника вызывать? Мы там почти двое суток в карцере...

— Форт! — осадил я твёрдо. — Отставить. Это их порядок.

Форт замолчал, но смотрел исподлобья. Эльф-офицер чуть растерялся от напора — не привык, чтобы клоны быкнули, — но кивнул мне с благодарностью, что удержал.

— Адмирал ждёт, — повторил он уже мне, — командор Гладиус К-7-99 и полковник Элариэль. Остальным — отдых, лазарет.

Я встал с кровати — ноги держат, белые одеяния шуршат,

— кивнул:

— Принято. Веди.

Мы шли за Иларом по белому коридору. Я всё поглядывал на Элариэль. Полковник. Выше меня по званию. А я и не догадывался.

— Значит, я всё это время спорил с полковником. За это мне медаль положена?

— Медаль? — Она покосилась на меня. — Мне. За терпение.

Я фыркнул. Илар обернулся, и мы оба поспешили сделать серьёзные лица.

Глава 21 Адмирал

Адмирал Сайрен Элвар ждал не в зале, а в кабинете — белом, как и весь «Рассветный Лист», только теплее, с окном во всю стену, где внизу — Приют, зелёный, с двумя лунами, и пять вымпелов дозора, как стража; шестой — наш флагман, куда мы перешли.

Он стоял у окна — высокий старый эльф, седой, как Аврелий, в белом кителе без знаков, только три луча на воротнике, как у офицера, но золотые. Глаза — бледный янтарь, будто потускневший с годами. Руки — за спиной, смотрел на планету, не на нас.

Мы вошли — я в белых одеяниях лазарета, босиком, но уже с дата-кристаллом в руке, Элариэль — в форме, рядом, по уставу, как полковник, хотя для меня — всё та же, с бинтом и янтарем. За нами — офицер, что привел, остался у двери.

Адмирал обернулся — лицо спокойное, без презрения дознавателей, без холода командующего, просто усталое, как у Первого после протеза.

— Командор Гладиус К-7-99, — сказал он на чистом нашем, без Эха, будто учил для таких встреч. — Полковник Элариэль. Садитесь.

Стол — белый кристалл, перед нами два кресла — тоже белые, низкие. Мы сели — я неловко, босые ноги на тёплом

полу, она — ровно, как учили.

Адмирал сел напротив. Я положил на стол свой дата-кристалл с янтарной печатью — тот, что дал Аврелий, лежал на тумбочке в лазарете, я взял его с собой, — а он рядом свой эльфийский, с тремя лучами, тоже светится.

— Письмо Легата Аврелия — принял, — сказал он, глядя на оба кристалла. — Мандат парламентёра — подлинный. Предложение мира и одного фронта против Роя — услышал от Элариэль, когда она добилась связи. Рой — всеобщая угроза. На Приюте мы получили последние донесения о нём с границы и сигнал о помощи с курьера перед тем, как тот погиб. Вопрос — верить ли, что на Эхо-7 действительно можно найти причины его возникновения и что ваш отряд может стать мостом?

Я посмотрел на Элариэль — она кивнула: говори, как на Эхо-7, правду.

— Верьте, адмирал, — сказал я. — Мы были на Эхо-7 — древней планете Садовников. Там мы вдвоём вырубили узел ПВО, иначе спасателей тоже сбили бы при посадке. Архив сообщил о зародыше — матке Роя: она глубоко в недрах, но где именно, мы не знаем. Обычными средствами её не уничтожить. Рой — общая беда, и на Эхо-7, возможно, лежат ответы: часть архива Садовников хранится в узле. Потом — пираты в обломках Эриды-3, потом — граница, где Рой порвал пустоту и уничтожил ваш курьер на глазах. Мы чудом ушли через пути, которые открыла Элариэль своим маяком

со старого корабля.

Адмирал слушал, не перебивая, глаза — бледно-янтарные, внимательные.

— И что предлагаешь, командор? — спросил он тихо. — Ты — клон, срок годности — семь лет, тебя вырастили на убой, как говорят твои же. Ваши хотели открыть Пути всем народам, чтобы помощь могла приходить и на кораблях без генераторов и колец. Мы боялись, что вместе со спасателями по этим дорогам к нашим мирам придут и те, кто несёт смерть. Каждая сторона верила, что защищает жизни. Так почему ты теперь хочешь мира с нами?

Я взял со стола кристалл и сжал его в руке — белый, холодный, с печатью, которую дал тот, кто уважал клонов больше всех.

— На Ланнете нас было пятьсот. Вернулись пятеро. На записях дисков я видел, как там, в грязи, Рой строил колыбель из тел моих братьев. А на границе я видел, как он уничтожил ваш курьер. Ему всё равно, кто перед ним.

Я посмотрел на Элариэль.

— На Эхо-7 мы сначала держались вместе, потому что иначе не выжили бы. Потом на «Игле» нас забрали дознаватели, а она добивалась помощи. Не бросила нас.

Я снова повернулся к адмиралу.

— Я обещал довести её до столицы. Доведу. А потом хочу вернуться с отрядом, если вы нас отпустите. Но я не хочу снова терять братьев. И не хочу, чтобы ваши увидели то, что

я видел на Ланнете. Поэтому и хочу мира. Может, вместе у нас будет шанс остановить Рой.

Адмирал посмотрел на Элариэль — она кивнула, янтарь ярче:

— Он уже довёл меня до вас, адмирал. Через пытки, через Рой. Я ручаюсь — как полковник.

Адмирал встал, подошёл к окну, где внизу — зелёный Приют, две луны и пять вымпелов дозора в строю — без флагмана, который уже готовился к прыжку.

— Дозор Приюта — это граница, — сказал он, не оборачиваясь. — Моя задача — держать её. На Доминион я докладывать не буду, пока не пойму сам. Поэтому сделаем так: я повезу вас в столицу лично, на «Рассветном Листе», под своим флагом. Остальные пять вымпелов — два авианосца «Тихий Прибой» и «Серебряный Ветер» и три корвета «Игла», «Шип» и «Заря» — останутся здесь, на Приюте, в патруле, где им и положено. Ваш «Молот» уже подняли на борт вместе с кольцом — стоит в ангаре флагмана, под охраной, но целый — вернём на орбите столицы.

Он обернулся к нам:

— Чтобы столица увидела не доклад с окраины, а живых людей и живого полковника, которые прошли Рой вместе. Иначе — не поверят.

Я кивнул. Так было понятнее — не конвой, а поручительство.

— Размещение на время перехода, — продолжил адмирал

уже как по распорядку, глядя на офицера у двери, — полковник Элариэль — в каюту к командору Гладиусу, раз вы в связке. Призрак — с Тринадцатым, пусть присмотрят друг за другом после лазарета. Первый — с Фортом. Все три каюты — рядом, на офицерской палубе, под моей палубой. Врач — по вызову. Переход — восемь суток через ствол Приюта, выйдем прямо в систему Лириона. Вопросы?

Элариэль вспыхнула — даже кончики ушей порозовели, янтарь в глазах забегал:

— Адмирал... почему я — с ним? — тихо спросила она, глядя в пол. — По уставу положено отдельно...

Я тоже смутился — босые ноги в белом, кристалл в руке, а тут — одна каюта на двоих. Отвёл взгляд к окну, будто Приют рассматриваю.

Адмирал посмотрел на нас обоих — и ответил без улыбки, веско, как приказ:

— Потому, полковник, что в карцере у командора треснули кристаллы и упали два дознавателя. Ты рассказала, как помогла ему, когда ему стало плохо на Терра-Нова. Если подобное повторится — только ты рядом успеешь. И второе — ты поручитель за людей перед Советом. Вам двоим писать совместный доклад Совету, а не два разных. Одна каюта — не привилегия, а пост. Выдержите?

— Так точно, — кивнула Элариэль, всё ещё красная, но уже по-уставному.

— Выдержу, — буркнул я, тоже красный, глядя в пол.

Помолчали. За окном — Приют, зелёный, и я вспомнил гул в карцере, треск кристалла и кровь в видении.

— Адмирал, — спросил я, решившись, — а что такое Эхо? По-настоящему. Элариэль говорила — хор, связь, — но у меня после Эхо-7 он стал громче, а в карцере прибор из-за него взбесился. Что это у меня в голове?

Адмирал посмотрел на меня внимательно, как Аврелий во время доклада.

— Эхо — это поле и память мира, командор, — сказал он. — Оно существовало всегда. Мы, эльфы, слышим его от рождения. Садовники были другим древним народом; насколько нам известно, они давно вымерли. Они тоже слышали Эхо и научились преобразовывать его. На этой силе строили Пути, города и защиту своих миров. Позже мы нашли их руины и стали изучать то, что уцелело. Общий дар ещё не означает, что они были нашими предками.

— Гномы Эхо не слышат, — продолжил адмирал. — Но могут проводить поле через металл или кристалл и чувствовать его вибрацию. Не голоса. Люди тоже физически не слышат Эхо. Ты — единственное исключение, о котором я знаю. Почему ты способен слышать, командор, я не знаю. Не стану выдавать догадку за ответ.

— А прибор?

— Прибор был усилителем, — поморщился адмирал. — То, как дознаватели его использовали, было пыткой. Они хотели надавить и вскрыть твою память. Потом кристалл трес-

нул, а оба дознавателя упали. Ты боялся не за себя, а за братьев; возможно, это усилило связь с полем.

Я тронул лоб:

— И это у меня... останется?

— Останется, — кивнул он. — А связь Роя в Эхе звучит иначе, словно один голос пытается заглушить все остальные. Это не ответ на вопрос, откуда Рой взялся. У нас — хор, где каждый поёт своё. Учись у полковника: она проводник, не воин. Она научит не кричать, а слушать.

Я помедлил, кивнул на Элариэль:

— Тогда я научусь. И доведу её до Совета — как обещал Легату. Чтобы нас выслушали вместе, а не по одному. Одним фронтом, как вы сказали.

Адмирал улыбнулся — впервые без усталости:

— Вот за это и верю. Одним фронтом — так и скажем Совету.

Я встал — босиком, в белом, с кристаллом в руке, вытянулся по уставу Легиона, как учили в чане, — кулак к груди, подбородок вверх:

— Благодарю, адмирал! Принято!

— Одним фронтом, — кивнул он и первым протянул руку — по-нашему, а не по-эльфийски.

Я пожал — ладонь холодная, крепкая, а глаза — янтарные, бледнее, чем у Аврелия.

— Идите, — отпустил он. — Отдыхайте. До столицы — восемь суток, успеем поговорить.

Мы вышли вдвоём. Дверь за нами закрылась мягко, как в лазарете, и Элариэль, всё ещё розовая, тихо толкнула меня плечом:

— Ну вот, командор, — шепнула, — теперь у нас одна каюта. Пост.

Глава 22 Переход

Каюты на «Рассветном Листе» были не как у нас на «Молоте», где шконки в три яруса и запах масла, а как в том белом лазарете — светлые, с круглым окном, где медленно плывёт космос, с двумя койками, столом-кристаллом и душем за матовой стеной.

Нас с Элариэль поселили вместе. В каюте было две койки. Она вошла первой, кинула китель на одну и села на вторую, мою, всё ещё розовая после кабинета.

— Ну вот, — пробормотала она, не глядя на меня. — Пост.

— Ага. Только ты мою койку заняла.

— Я проверяю, удобно ли тебе будет.

— И как?

Она похлопала ладонью по койке рядом:

— Проверяй сам.

Я всё ещё чувствовал, как горят щёки, но сел ближе. Койка скрипнула.

— Кажется, она против, — сказал я.

— Ничего. Приказ адмирала важнее, — ответила Элариэль и тихо рассмеялась.

В следующие дни Элариэль учила меня слушать один голос среди хора, а по вечерам мы составляли доклад Совету. Каюты братьев были рядом, и мы часто заходили к ним

вдвоём.

К Призраку и Тринадцатому мы заглянули первыми. Призрак лежал на койке и по-прежнему молчал после прибора. Тринадцатый сидел рядом и читал ему вслух эльфийскую инструкцию к душу на нашем языке, путая слова.

Призрак хрипло хмыкнул — первый звук после прибора.

— Командор, он смеётся! — обернулся ко мне Тринадцатый.

Я кивнул и улыбнулся. Пусть читает дальше.

К Первому с Фортом мы зашли чуть позже. Форт нашёл в каюте эльфийский тренажёр — белый обруч, который проецировал мишени Эха, как наш голограф, только мягче. Решил, что это качалка, и повис на нём. Обруч треснул, завыл сигнал тревоги.

На сигнал прибежал техник-эльф и застал Форта висящим на половине обруча.

— Он тяжёлый, не рассчитал, — попытался объяснить Первый.

Эльф посмотрел на обруч, вздохнул и ушёл за новым.

— Командир, я не ломал. Оно само! — шепнул Форт, когда техник вышел.

— Конечно, — сказала Элариэль, глядя на обруч. — Мы всё видели.

К вечеру седьмых суток перехода адмирал пригласил нас к себе, не в общий зал, а в малую кают-компанию — длинный белый стол, за ним — он, два его капитана и мы. Еда

— не наша паста из тюбика, а настоящая — рыба с Приюта, хлеб, вино светлое, как вода из родника.

Форт сначала тыкал вилкой рыбу, будто она — Рой, потом попробовал и выдал на всю каюту:

— Нихуя себе! Это ж не пайка! Командор, возьми рецепт, на Терра-Нова такую бы!

Эльфы-капитаны переглянулись. Я понял, что Форт сказал лишнее.

— Форт, — тихо сказал я. — Следи за языком. Мы в гостях.

Форт посмотрел на меня, потом на адмирала и откашлялся:

— Извиняюсь. Очень вкусная рыба, господин адмирал.

Первый опустил голову, пряча улыбку, а адмирал усмехнулся:

— Бери, командор. Рецепт — соль, огонь и два дня без пайки. Работает всегда.

Первый ел молча, но кивнул — уважает, когда кормят по-человечески. Призрак — поел чуть-чуть, Тринадцатый — за двоих, Элариэль — рядом, подливала мне вино и шептала: «Пей, это — не синт, голова не болит».

После — адмирал отпустил всех, а меня с Элариэль попросил остаться. Окно — во всю стену, за ним — ствол Приюта: огромный светящийся тоннель, по которому шёл «Рассветный Лист», и весь флагман дрожал, как «Молот» перед прыжком. В боковом разрезе кителя Элариэль виднелся

край бинта.

— Завтра — Лирион, столица, — сказал адмирал тихо. — Там — Совет и ваше посольство. В посольстве вас должен ждать представитель Республики. Вас будут слушать, но найдутся и те, кто скажет: клоны — мясо, эльфы — враги, а Рой слишком слаб, чтобы ради него искать мира. Что скажешь им, командор?

Я посмотрел на Элариэль, на её янтарь, на бинт под формой.

— Доложу по фактам, адмирал. Что мы видели, что прочли в архиве и чего пока не знаем. Часть архива осталась закрытой — её надо проверить. Элариэль и мои бойцы подтвердят то, чему были свидетелями.

Адмирал кивнул:

— Тогда — спать. Завтра увидишь Лирион, командор. Я не хочу, чтобы с ним случилось то же, что с Ланнетом.

Я видел Ланнет до Роя только на старых видео. Слышал рассказы о большой зелёной планете, где выращивали урожай: поля, машины на уборке, посёлки среди пашни. Тот Ланнет, на котором я высадился, был уже другим — болота, моря грязи и крови. И братья, которых я не смог вывести.

Мы вышли в коридор — белый, пустой, гул корабля ровный. Элариэль взяла меня за руку и повела в нашу каюту.

Внутри свет был приглушён. За окном тянется в нить света ствол — Приют давно остался позади. Две койки, но она села на мою, китель — рядом, будто так и надо.

— Боишься завтра? — тихо спросила она, янтарь в полумраке — теплый.

— Совета? — Я сел рядом, плечом к плечу. — Не их самих. Боюсь, что они выслушают нас, покивают и решат, что ничего делать не надо.

Она положила голову мне на плечо. Волосы пахли тем же мылом, что тогда после душа.

— Адмирал тебя услышал. В Совете тоже найдутся те, кто захочет слушать.

— А если не найдутся?

— Тогда заговорю я.

— А если и тебе не поверят?

— Тогда дадим слово Форту.

Я фыркнул:

— Они согласятся на что угодно, лишь бы он замолчал.

Она тихо засмеялась, но мою руку не отпустила.

— Я серьёзно, Гладиус. Я буду рядом.

— А если Совет всё равно решит, что мы враги?

Она подняла глаза и сжала мою ладонь обеими руками:

— Тогда будем искать, как улететь. Может, на Приют, может, обратно к твоим. Куда сможем. Но я тебя не брошу. Помнишь, ты обещал: вместе до конца? Теперь я обещаю то же.

Я хмыкнул:

— Если бы мы служили в одной армии, мне пришлось бы слушаться тебя, полковник.

— А сейчас не слушаешься? — улыбнулась она.

— Сейчас я сам решаю, кого слушаться.

Она подняла бровь:

— Значит, можешь и отказаться?

Я посмотрел на наши руки.

— Могу. Но не хочу.

Она подвинулась, освобождая мне место:

— Тогда ложись, командор. Завтра рано вставать.

Я лёг рядом, не отпуская её руки. Койка скрипнула.

— Кажется, она всё ещё против, — прошептал я.

— Значит, ей придётся привыкнуть, — сказала Элариэль и придвинулась ближе.

Она подтянула одеяло и закрыла глаза. Я ещё немного слушал ровный гул корабля, чувствуя её ладонь в своей.

— Спокойной ночи, командор, — шепнула.

— Спокойной, полковник, — шепнул я и уснул без таблеток. За окном тянулся путь к столице.

Глава 23 Атака роя

На восьмые сутки перехода сирена разбудила раньше света.

Не наш ревун, а эльфийский — тонкий вой, от которого поднимаешься даже без сна. Белый свет в каюте — резкий, тревожный. Элариэль уже на ногах, в кителе, я — босиком, в белом, кристалл в ладони, как будто оружие.

— Что? — крикнул я в коридор, где уже топот.

Голос адмирала — по кораблю, громко, без Эха, как командующий на Ланнете перед валом:

— Всем постам — боевая тревога! На курсе разрыв! «Лезвия» — к вылету!

Мы с Элариэль вылетели в коридор. Она повела меня к рубке, и мы пробрались сквозь эльфов, бегущих к своим постам.

В рубке — стена-окно, а за ней рваный ствол. Тоннель, по которому мы шли уже семь суток, трещал, как лёд. Впереди зияла чёрная кротовая дыра, шире той, что была на границе. Из неё выходили тёмные силуэты. Их будто что-то привело сюда.

Две Башни — как на Ланнете, только без земли, в пустоте. Каждая — километр чёрной кости с красными жилами, каждая дышит. От них — туча жуков, каждый с «Молот». Стая развернулась к флагману и посыпалась на него, как песок.

Ни одного из остальных пяти вымпелов рядом не было — адмирал оставил их на Приюте, в патруле. С нами — только «Рассветный Лист».

Адмирал стоял в центре, седой, спокойный, будто не Башни, а учения:

— Главным — по Башням! Бортовым батареям — по стае! «Лезвия» — прикрыть флагман!

Из носа флагмана ударил главный луч. Башни средней батареи развернули спаренные стволы к стае; из шахт сорвались ракеты, вдоль бортов вспыхнули зенитные иглы. Вокруг Башен и жуков расцвели беззвучные вспышки.

Одна из Башен ответила лучом. Щит у носа вспыхнул, по белому сплаву полоснула чёрная подпалина. Палуба дрогнула под ногами.

Из боковых створок вырвались «Лезвия» — множество белых игл с гранями-крыльями и тремя лучами на носу. Их было столько, что я сбился со счёта.

Истребители открыли огонь из носовых лучевых пушек. Попадания вспыхивали на хитине, но жуков были сотни, и всё новые выползали из дыры. Они неслись к кораблю рывками, выбрасывая белёсые струи газа.

Как я узнал позже, в то утро братья гуляли по «Рассветному Листу». Свою броню они уже получили обратно: чёрные пластины с красными элементами выделялись на фоне белых эльфийских кителей.

Тринадцатый то и дело останавливался у окон. За ними

тянулся светящийся ствол, а сам корабль казался ему городом: коридоры разбегались на все стороны.

— Тут и за день не обойдёшь, — сказал он.

— Зато до столовой дорогу я запомнил, — ответил Форт.

— С третьего раза, — заметил Первый.

— Зато теперь не забуду.

Когда взвыла сирена, мимо них побежали эльфы в пилотских шлемах. Братья бросились следом.

— Эй! Что случилось? — крикнул Форт.

— Рой! На курсе! — ответил один из пилотов.

— Ну наконец-то разомнусь! А то здешний тренажёр после меня не работает.

— Ты его сломал, — напомнил Первый.

— Вот и говорю: не работает.

Тринадцатый фыркнул, Призрак коротко хмыкнул, не сбавляя шага.

Братья знали примерно, в какой части ангара стоял «Молот». Вместе с пилотами они проскочили мимо охраны и свернули к своей стоянке. Кто-то окликнул их, но голос утонул в шуме ангара.

Пилоты знали о клонах на борту, но не знали, что тем пока нельзя забирать корабль. Никто из бегущих эльфов не попытался их остановить.

Первый прыгнул за штурвал, Призрак занял второе кресло. Форт взял верхнюю турель, Тринадцатый — нижнюю. «Молот» вместе с кольцом оторвался от палубы и вышел сле-

дом за «Лезвиями».

Тогда я ничего этого не знал. Мы с Элариэль стояли в рубке и смотрели на бой. «Лезвия» заходили на стаю, стараясь не дать жукам добраться до флагмана.

На одном из экранов я увидел, как жук ударил в кабину истребителя. «Лезвие» вспыхнуло и разлетелось. Другое попыталось уйти, но жук настиг его и ударил в борт. На месте корабля осталась россыпь обломков. Пилоты погибали у нас на глазах.

Элариэль вцепилась пальцами в край пульта. Из разрыва шли всё новые жуки, а истребители не успевали встречать их.

Я долго перебирал, что мы можем сделать. Добраться до «Молота»? Пока мы дойдём до ангара и взлетим, погибнут ещё пилоты. Да и один корабль не остановит такую стаю. Вмешаться в работу рубки? Адмирал и без меня знал, как вести бой.

Я смотрел на экран и вспоминал карцер. Прибор треснул, дознаватели упали, а я даже не понял, как это сделал. До этого, на Эхо-7, мы с Элариэль вдвоём отключили узел. И последние семь дней она учила меня слушать один голос среди хора.

— Элариэль, помнишь, что случилось в карцере? А на Эхо-7 мы вместе справились с узлом. Если попробовать направить такой же удар на них?

Она посмотрела на стаю и не сразу ответила:

— Можно попробовать направить на них поток Эха. Может, собьём их с толку. Хотя бы ненадолго. Но я не знаю, хватит ли нам сил.

— Попробуем.

Элариэль взяла мою руку и сосредоточилась. Её янтарные глаза засветились ярче.

— Слушай меня. Направим поток вместе, когда я скажу. А потом ты должен будешь отпустить. Я скажу когда.

Я закрыл глаза и попытался сделать то, чему она меня учила. Сначала всё смешалось: сирена, удары по щитам, хор в голове. Потом я различил её голос.

— Сейчас, Гладиус.

Рубка исчезла. Меня будто выдернуло из тела и оттащило далеко в пустоту. Ни палубы под ногами, ни Элариэль рядом. Бой остался вдалеке: белая черта флагмана, две тёмные Башни и вспышки вокруг стаи. Отсюда я уже не мог различить отдельные истребители.

Я потянулся к стае и направил поток Эха. Сначала ничего не произошло. Потом тёмная масса дрогнула и рассыпалась в стороны. Башни качнулись; вспышки между ними и флагманом разбежались.

Я держал поток, стараясь не дать стае снова собраться. Но она была огромной, и чем дольше я пытался, тем труднее становилось удержать её.

Откуда-то издалека донёсся голос Элариэль. Сирены и приказов адмирала я больше не слышал — только её.

— Гладиус! Я рядом! Держись за мой голос!

Я хотел ответить, но не чувствовал ни губ, ни рук. Вдали снова сгущалась тёмная стая. Я продолжал давить, хотя уже не понимал, сколько прошло времени.

— Гладиус, отпускай! Мы уходим!

Я потянулся к её голосу. Белый свет закрыл бой, потом погас. Я потерял сознание.

Позднее Элариэль и братья рассказали мне, что в это время происходило в рубке и на «Молоте».

Первый повёл «Молот» к истребителям. Форт и Тринадцатый ударили из турелей по жукам, наседавшим на повреждённое «Лезвие», давая пилоту уйти к флагману.

Адмирал увидел на экране «Молот» и братьев. Офицер у его плеча повысил голос:

— Адмирал, клоны вылетели без разрешения!

— Вижу. Сейчас они прикрывают наших. Передайте «Лезвиям»: «Молот» — свой. Огонь по нему не открывать.

Стая ненадолго потеряла строй; Башни качались, но обе ещё держались. Из разрыва шли новые жуки, и адмирал видел, что врага слишком много. Часть истребителей оставалась снаружи.

— «Молот» — на борт! Всем уцелевшим «Лезвиям» — возвращаться! Ждать последнего. Готовить собственную кротовую дыру! Уходим на Лирион!

«Молот» прикрывал возвращающихся, а потом вошёл в ангар. За ним один за другим садились «Лезвия», и послед-

нее вернулось с повреждённым крылом. Адмирал дождался подтверждения, что все уцелевшие на борту.

Только тогда генератор флагмана раскрыл собственную кротовую дыру, и «Рассветный Лист» ушёл на Лирион. Из ста двадцати вылетевших «Лезвий» вернулись восемьдесят четыре. Остальные тридцать шесть пилотов погибли.

Проснулся — в поту, простыня мокрая, наша белая каюта на флагмане, свет приглушён. Рядом — она.

Элариэль спала, обняв меня, в кителе, не раздеваясь, голова — на моём плече, волосы — холодные, как тогда. На щеках — видно, плакала, ресницы мокрые, даже во сне держала мою руку, будто боялась, что снова уйду в пустоту.

Я не стал будить. Лежал, слушал гул корабля — ровный, живой, уже не рваный, — и смотрел в окно, где вместо дыры был Лирион — столица, к которой мы прорвались сквозь Рой.

Глава 24 Лирион

Она проснулась, когда я шевельнулся.

Элариэль сразу села и посмотрела на меня покрасневшими от слёз глазами, будто проверяя, цел ли я.

— Очнулся, — выдохнула, тронула лоб. — Ты...

— Что было? — Голос хриплый. — Помню, как жуки повернули к нам, а потом всё будто во сне.

— Ты не видел, — прошептала она, всё ещё держа мою ладонь. — Твои глаза открылись и залились чёрным. Целиком, даже белки — ни радужки, ни зрачков не было видно. Вокруг — дрожь и слабое свечение, ты висел над полом. Я звала — ты не отзывался. Думала, уйдёшь, как в карцере, только дальше. Потом упал.

Я кивнул. Обычно мои глаза были карими, как у всех клонов нашей партии. Я попытался представить их чёрными целиком. Китель на ней мят, пахнет озоном от щитов и лазаретом, где она меня тащила. Обнял — она уткнулась лбом в плечо, уже не плача.

— Врач сказал — истощение, — тихо добавила. — Сутки не приходил в себя.

Стук в дверь — протез Первого стукнул раньше голоса:

— Командор, проснулся? Адмирал просит к окну. Подходим.

Элариэль быстро вытерла щёки, поправила на мне белый

китель с нашивкой парламентёра — выдали в лазарете, пока спал. Я встал — ноги держат, в висках ещё тяжело, но стою.

В рубке ждали четверо — в своей броне, без шлемов, уже готовы. Форт первым шагнул:

— Командор, ты как? Элариэль сказала — светился... Ты живой?

— Живой, — кивнул я. Первый хлопнул по плечу, молча, как всегда, Призрак — кивнул, Тринадцатый показал бинт от осколка — царапина в ангаре, но улыбается. Они в рубке не были в тот момент — рвали жуков на «Молоте», про свечение знают только с её слов, и не лезут с расспросами.

За окном был Лирион. На восьмые сутки перехода мы едва выбрались из боя; ещё почти сутки я провёл без сознания.

Не Приют — зелёный пост с двумя лунами. Лирион — столица. Планета белая с золотой вязью, как борт «Рассветного Листа», только в сотни раз больше. Вокруг — кольцо-город, цельное, светится ровным светом, и сотни кораблей — линкоры, авианосцы, корветы с тремя лучами, стоят строем, как на параде Терра-Нова, только в космосе.

— Дом, — тихо сказала Элариэль рядом.

Адмирал стоял у окна в парадном белом с золотом на воротнике, обернулся:

— Прибыли, парламентёры. Флагман — на орбиту, «Молот» с кольцом — в ангар посольства, вас — в Совет через час. В посольстве вас ждёт представитель Республики.

Я сжал дата-кристалл с янтарной печатью — целый после

дыры.

— Одним фронтом? — спросил я, как тогда в кабинете.

— Одним, — кивнул он. — Но теперь говорите не мне, а им. На заседании я передам им снимки Эхо-7. Остальное расскажите сами.

Элариэль взяла меня за руку при всех — при адмирале и братьях — будто так и надо после того, что было.

— Веди, командор, — шепнула, как на Эхо-7.

«Рассветный Лист» — огромный белый корабль с подпалинами на носу после Башен — пошёл к кольцу-городу.

Перед вылетом в Совет я надел свою чёрную броню с красными элементами.

Шаттл до Совета был без окон и шёл, как лифт, только тише. Нас вели как парламентёров — меня и Элариэль впереди, четверых — свидетелями следом. Адмирал — рядом, уже не командир, а поручитель.

Здание Совета — чаша из белого камня, открытая небу Лириона. Внутри — круг без стола, только ярусы амфитеатром. Триста взглядов — и все устремились на нас.

В центре — знакомые лица. Брунд с «Трудяги» — теперь в чистой кованой броне с молотом и шестернёй, рядом — чернобородый Брок, брат. Чуть дальше — эльфы Совета в золоте и люди посольства Легиона в нашей форме — те, кто держит связь с Лирионом. Ещё ярус — представители Верфи Союза Пяти — пяти торговых домов, на станции которых мы когда-то высадились, люди и гномы вперемешку, с ше-

стернями на рукавах. На соседних ярусах сидели делегаты ксаров, вайров и остальных народов мира, собравшихся на Совет. Стало ясно — Брунд с братом здесь не как перевозчики, а как старейшины Каменного Пояса, важные у гномов, а Союз — отдельно.

Брунд хмыкнул в бороду:

— А, клоны. Живые. Думал, в дыре останетесь.

Рядом кивнул полковник Адриан Роу из нашего посольства — седой, как Первый, — будто сказал: свои.

Дебаты начались не сразу. На верхнем ярусе поднялась эльфийка в белом с золотом — председатель Совета Аэлис Нэр-Виэль. Седые волосы были убраны под тонкий обруч, руки она держала спокойно, но зал умолк, как только она посмотрела на нас.

— Заседание закрытое; запись и документы останутся под ограниченным доступом. Сегодня мы выслушаем свидетелей с Эхо-7 и решим, что делать с их сведениями, — сказала она. — Прежде чем спорить, напомню порядок. Решение принимает большинство Совета. Но без согласия эльфийского яруса оно не вступит в силу. Голоса посольства Республики, Верфи Союза Пяти, Каменного Пояса и делегаций других народов будут учтены наравне с нашими. Каменный Пояс также приглашён дать свидетельство и поручиться за своих представителей.

Тринадцатый передал адмиралу несколько снимков со своего подбитого «Глаза». Сайрен переслал их советникам

по закрытому каналу. Над кругом появились серая планета, часть надписей архива, жилы и башня-узел ПВО.

Я оглянулся на Брунда. Тот кивнул: за него здесь никто не говорил, и он не собирался говорить за Верфь.

Первым поднялся старейшина Леорен Саэль. Худой, в золотом плаще, он долго рассматривал меня, потом Элариэль.

— Двадцать лет мы воевали с Республикой, — произнёс он. — Три года сохраняется перемирие, потому что на границах появился Рой. Я не спорю, что он существует. Спорю с тем, что мы должны открыть дорогу к древней планете солдатам бывшего врага.

— Почему бывшего? — буркнул Форт у меня за спиной.

Я поднял ладонь, и он замолчал.

— Мы только что видели снимки Эхо-7, — продолжил Леорен. — Камень, башня, руины. Мы не видели матку. Не знаем, кто послал туда этот отряд и почему с ним оказалась наша разведчица. Должны ли мы верить клону и полковнику, которая пять недель провела с людьми?

Элариэль подняла голову. Я знал этот взгляд: ещё слово — и она ответит так, что половина зала пожалеет о своих ушах.

Но раньше неё заговорила посол Республики Мирра Сорен — женщина в сером кителе, без оружия, с серебряным знаком посольства на груди.

— Командор Гладиус доставил письмо легата Аврелия и имеет мандат парламентёра. Это не делает его слова доказательством, старейшина. Но даёт ему право быть выслушан-

ным без оскорблений.

— Клоны выполняют приказ, — сказал Леорен. — Я хочу знать, чей именно.

— Сейчас — мой собственный, — ответил я, прежде чем успел подумать. — Довести Элариэль до её народа и рассказать, что мы видели.

По ярусам прошёл шум. Элариэль незаметно коснулась моей руки и тут же отпустила.

— А ещё он командир моего взвода, — сказал Форт. — Если бы вы сначала дали ему договорить, сами бы поняли.

— Форт, — тихо предупредил я.

— Я вежливо, командир.

Даже Брок хмыкнул.

Слева от посла поднялся седой полковник Адриан Роу, тот самый, что кивнул нам у входа.

— У нас тоже есть вопросы, — сказал он. — Республика послала разведку, а не передала Доминиону права на планету. Кто получит снимки, кто будет распоряжаться найденным и кто ответит, если отряд не вернётся?

— И кто оплатит корабль, — добавил с яруса Верфи гном в тёмном рабочем жилете. — Я мастер Харду Резец, Верфь Союза Пяти. Мы строим суда, а не обещания. Если меня просят поставить людей и металл, я хочу знать, для чего и на каких условиях.

— Вы уже торгуете с обеими сторонами, — заметил Леорен.

— Потому и знаете, где нас найти, когда вам что-нибудь понадобится, — отрезал Харду. — Но не путайте нас с Каменным Поясом. У Брунда здесь свой голос, у Верфи — свой.

Брунд ткнул молотом в пол, не поднимая его:

— Верно. Мы с Броком не от Верфи. Мы — старейшины Пояса и поручимся за тех, кого вытащили. А считать чужие расходы Харду умеет без моей помощи.

— Наконец-то согласились, — сказал Харду.

Аэлис коснулась подлокотника. Шум стих.

— Полковник Элариэль Вейр-Таэл. Сначала — ваше свидетельство. Только то, что вам известно лично.

Элариэль вышла в круг. Белый китель был чистым, но я видел, как она бережёт бок под ним.

— Мы с экипажем прилетели на разведку. Наш корабль сбила древняя ПВО. Двое моих погибли. Гладиус нашёл меня раненой и помог, хотя мы были по разные стороны границы. Потом мы нашли его взвод, вышли на связь и отключили узел ПВО, чтобы спасатели смогли сесть.

Она дождалась, пока перевод закончит, и продолжила:

— Архив открылся лишь частично. В нём сказано: глубоко в недрах Эхо-7 находится зародыш — матка Роя. Её корни питаются планетой, вокруг — несколько ступеней живой охраны. Где именно она находится, мы не знаем. Обычными средствами её не уничтожить.

— А причины гибели Садовников? — спросил Леорен.

— Мы не нашли в доступной части архива объяснения ни гибели Садовников, ни происхождения Роя, — сказала она. — Я не буду выдавать догадку за запись.

— А матку вы видели? Или только запись? — спросил Леорен.

— Только запись. На площади мы столкнулись с защитой руин, но к матке не спускались. Я не стану утверждать, что видела её стражей.

— И запись может оказаться устаревшей.

— Может. Как и наши догадки. Поэтому нам нужен доступ к тому, что осталось закрытым, и возможность проверить прочитанное.

Председатель кивнула, будто именно этого ответа и ждала.

— Почему вы не вернулись к своим сразу? — спросил старейшина Тарен Вирр, широкоплечий эльф с тёмным шрамом на подбородке. — На станции Союза были наши суда.

— Торговые суда были, — ответила Элариэль. — Курьера, который мог взять меня, не было. Ждать следующего пришлось бы долго. А Гладиусу надо было доставить доклад на Терра-Нова. Я выбрала лететь с ним.

— На столицу Республики? Добровольно?

— Да. И когда меня задержали, он потребовал меня отпустить.

— А потом ваши дознаватели стали таскать наших к креслу, — не выдержал Форт. — Пока командир не...

— Форт, — сказал я.

Он сжал кулаки, но остался на месте. Аэлис посмотрела на адмирала.

— Это было на вашем посту, Сайрен?

Адмирал Сайрен Элвар не отвёл глаз.

— На корвете моего дозора. Дознаватели действовали без приказа флагмана. Я отстранил их и передал дело на разбирательство. Перед вами не шпионы, а парламентёры и свидетели. За это я отвечаю лично.

— Вы отвечаете и за то, что привели их сюда на флагмане? — спросил Тарен.

— Да. Один мой корабль. Остальные пять вымпелов остались охранять Приют. По дороге нас атаковал Рой.

Он положил на камень свой кристалл. Над кругом развернулась запись: рваный свет пути, две чёрные Башни и стая жуков. Потом — наша рубка. Я в белом, чуть над полом, Элариэль держит меня за руку. Чёрные глаза я увидел впервые и отвёл взгляд. За окном мелькнули «Лезвия» и серый «Молот».

— Запись не доказывает, где матка и откуда взялся Рой, — сказал адмирал. — Но она доказывает нападение. И то, что люди и эльфы в этом бою прикрывали друг друга.

— Ваш флагман уцелел, — сказал Леорен. — Значит, наши корабли способны отбиться.

— Уцелел, — согласился адмирал. — Со следами на броне и потому, что мы вовремя ушли собственной дырой. Вы

хотите дождаться, когда следующая стая окажется у Лириона, прежде чем задавать вопросы?

Леорен помолчал. На записи один из белых истребителей на миг пропал во вспышке, потом вырвался из неё с повреждённым крылом. Никто в зале не попросил показать это ещё раз.

Аэлис обратилась ко мне:

— Командор. Теперь вы. Что именно вы предлагаете?

Я встал в своей броне. Техники флагмана её отчистили и подогнали; старые царапины остались. Я положил дата-кристалл Аврелия перед собой, но читать с него не стал.

— Я — Гладиус К-7-99, Тридцать первый Легион. На Ланнете Рой забрал мой батальон. Из пятисот вышли пятеро. На Эхо-7 мы едва выжили среди руин и нашли записи, которых не понимаем до конца. В переходе к Лириону Рой чуть не забрал ваш флагман. Я не знаю, откуда он взялся. И не знаю, как уничтожить матку.

Зал слушал. Не весь с доверием — но слушал.

— Я предлагаю вернуться и проверить то, чего мы не смогли прочесть. Не толпой кораблей: мы вырубили главный узел, но каждую чашу проверить не успели. Лучше небольшим отрядом. Люди, эльфы и гномы. У каждого — свои знания, свои глаза и причина вернуться живым.

— А затем? — спросила посол Сорен.

— Затем доложим всем, кто нас послал. И будем искать, как остановить Рой. Не дадите нам шанс идти вместе — он

возьмёт каждого по одному.

— Красиво сказано, — произнёс Леорен. — Но если вы найдёте то, что сделает Республику сильнее Доминиона?

— А если найдём то, что сделает Доминион сильнее Республики? — спросила Сорен. — Именно поэтому одну сторону туда посылать нельзя.

Полковник Роу сцепил руки за спиной:

— Мандат легата — предложение сотрудничества, а не разрешение скрывать находки от Республики. Я поддержу отряд, если его сведения будут передаваться всем сторонам Совета и если никто не получит единоличного контроля над архивом.

— И если координаты не раздадут на рынке вместе с чертежами, — добавила кораблестроительница Нера Касс с яруса Верфи. Она была человеком, с короткими тёмными волосами и следом ожога на запястье. — Мы можем обеспечить закрытую связь. Доступ к данным — у назначенных представителей, с учётом того, кто их получил. Иначе за вашим отрядом полетят все, у кого найдётся ржавый двигатель.

— Пираты на дороге уже встречались, — сказал Первый. — Нам хватило. Не стоит самим объяснять им, где нас ждать.

— Мне тоже, — буркнул Форт, проводя ладонью по ремню на плече.

— Если фронт будет общим, наши миры должны получать предупреждения и доклады вместе с остальными, — сказал представитель ксаров. Его чешуйчатое лицо напомнило мне

помощников Каро.

— И помощь, — добавила представительница вайров с соседнего яруса. — Рой не спросит, кто из нас вчера воевал друг с другом.

— На снимках — только часть архива. Как остальные проверят перевод остального, если увидят только ваш пересказ? — спросил Тарен.

— Когда вернёмся, сфотографируем знаки и передадим снимки вместе с тем, что удастся перевести, — сказала Элариэль. — Повреждённые места отметим отдельно. Там, где смысла не разобрать, так и напишем. Не буду заполнять пробелы догадками.

— Кому именно передадите? — не уступил Леорен.

— Назначенным представителям, не всем желающим, — ответила Сорен. — Координаты, цель, снимки и сведения о планете останутся закрытыми. Я доложу о решении Ассамблее и Директорату, но публичным оно от этого не станет.

— И закрытого слова недостаточно, — сказал Харду. — Нужен способ передать данные так, чтобы их не снял первый встречный у кольца.

— Верфь предусмотрит защищённую связь при подготовке проекта, — сказала Нера. — А пока это условие, а не обещание, что любой сигнал из любой точки дойдёт мгновенно.

— А если в архиве нет ответа? — спросил Тарен. — Мы рискуем жизнями тех, кто туда отправится, и кораблём ради догадки.

— Мы не знаем, есть ли в архиве ответ, — сказала Элариэль. — Пока это только догадка. Мы просим разрешить нам это проверить.

— И что вы сделаете с маткой, если найдёте? — Леорен не садился. — Вы сами сказали, что обычным оружием её не уничтожить.

— Не станем обещать невозможное, — ответила она. — Сначала выясним, что перед нами. Если для удара понадобится больше сил или другой способ, доложим Совету.

— А если ждать будет поздно? — спросил Роу.

— Тогда на месте придётся решать тем, кто там окажется, — сказал я. — Но я не поведу своих к матке вслепую, даже если ждать нельзя.

— Что будет, если отряд не выйдет на связь? — спросил Тарен. — Пошлём следом корабли и потеряем их тоже?

— Не вслепую, — сказал я. — До вылета назначим время доклада и запасной порядок связи. Если мы пропадём, сначала проверьте маршрут и то, что удалось передать. А потом решайте, как помочь, не потеряв ещё людей.

Форт повернулся ко мне:

— А если мы там живые и нас прижали?

— Тогда нам нужна возможность попросить помощь, — ответил я. — И те, кто будет готов её оказать.

— Запишем оба условия, — сказала Аэлис. — План связи и порядок помощи отряду обсудят до вылета. Ни одну спасательную операцию не начнут без оценки опасности.

Брунд стукнул молотом по камню. На этот раз зал умолк не сразу, но умолк.

— Мы с братом видели руины Садовников в Поясе, — сказал он. — Камень бывает старше любого вашего договора, а убить может быстрее. Когда мы прилетели, эти клоны и раненая эльфийка держались вместе. На станцию добрались тоже вместе. Полковник сейчас сказала, что они отключили ПВО ради спасателей. За то, что сам видел, я им верю.

Брок поднялся рядом:

— И я верю. Но не стану обещать, что один отряд положит весь Рой. Вытащим то, что можно узнать. Если прижмут — будем прикрывать друг друга. Так понятнее.

— Вы говорите за Пояс или за себя? — спросил Харду.

— Сейчас — за себя и брата, — ответил Брок. — В отряд идём сами. За Пояс как старейшины проголосуем отдельно, потом доложим своим. Твою Верфь на нас не записывай.

Харду развёл руками:

— Не собирался. У меня и без вас работы хватит.

Аэлис подождала, пока закончится спор на человеческом ярусе, затем сказала:

— Есть предложение создать особый отряд — не только для разведки, но и как знак, что мы способны действовать вместе. Прошу высказаться о составе и условиях.

— Пятеро клонов, которые уже были на Эхо-7, — сказал Роу. — Гладиус и его четверо. Они знают местность и друг друга.

— А вы спросили у них? — Леорен посмотрел не на Роу, а на меня. — Или в Республике достаточно приказать?

Прежде чем я ответил, Первый упёрся ладонями в колени и поднялся:

— Я пойду. Но на этот раз заранее выясним, как выбираться. Одной храбростью корабль не поднимешь.

— И я, — сказал Форт. — Только возьмите запасные ленты. В прошлый раз они кончались быстрее ваших вопросов.

Тринадцатый сглотнул, однако тоже встал:

— Я могу снимать, как тогда. И учиться работать с новой аппаратурой, если покажете.

— А ты? — спросила Сорен Призрака.

— С ними, — ответил он. — Не бросаю своих.

— Пятерых вы услышали, — сказал я. — Идём вместе. Но никакой красивый доклад не стоит того, чтобы оставлять кого-то там без помощи.

— Полковник Вейр-Таэл идёт с ними, — сказала Аэлис. Это прозвучало не как вопрос.

— Иду, — ответила Элариэль.

— Двое от Пояса, — сказал Брунд и показал на себя и Брока. — Мы вас с камня вытащили. Теперь прикроем до конца.

Брок кивнул. Тринадцатый улыбнулся ему так, будто гном уже стоял в нашем строю.

С эльфийского яруса поднялись двое. Офицера я узнал сразу: лейтенант Илар Тейр вёл нас к адмиралу на флагмане.

Рядом стояла пилот «Лезвия» Нэйра Лор, с белым шлемом под мышкой.

— Я знаю пути дозора и порядок допуска, — сказал Илар. — Готов идти с отрядом.

— А я была у тех Башен, — сказала Нэйра. — Мой ведомый едва довёл повреждённое «Лезвие» до флагмана. Если они снова встретятся нам в дороге, лучше бы я была рядом, когда начнётся стрельба.

— Пятеро, полковник Вейр-Таэл, два гнома и двое эльфов, — пересчитала Сорен. — Десять человек.

— Не расходный материал, — тихо сказал Призрак.

Его услышали. Полковник Роу повернул голову, а я вдруг вспомнил, как Призрака тащили из дознавательной и как Тринадцатый держал его за руку в лазарете.

— В Республике клоны не только солдаты, — сказал Роу. — Они работают в доках и на верфях, водят транспорт, держат шахты. Да, это наш рабочий класс. Но командор и его люди не становятся боеприпасами оттого, что кому-то удобно их так считать.

— А слова ещё не меняют того, как с ними обходятся, — заметила Сорен. — Не будем и мы записывать их в расход до того, как они покинули зал.

— Десять человек, — повторила Сорен. — Значит, нам нужно вернуть всех десятерых, а не только сведения, за которыми мы их посылаем.

— Нужны наблюдатели Совета, — сказал Леорен. — Что-

бы ни одна сторона не спрятала найденное.

— Наблюдатели могут следить за подготовкой и принимать доклады, — ответила Нера Касс. — Но не запихивайте их в корабль сверх отряда. Нам ещё нужно обеспечить людей воздухом, водой и местом для оборудования.

— Согласен, — сказал Харду. — Для начала вам вообще нужен корабль. Чей берём?

— Мой «Молот», — предложил Форт.

— Наш, — поправил Первый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.